

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
ФСБ
ЗА ЛУЧШЕЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИРИНА ДЕГТЯРЁВА
**КАПКАН
ДЛЯ МІС**

Ирина Владимировна Дегтярева
Капкан для М16
Серия «Следователь
Олег Ермилов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67419188
Капкан для М16: ООО ИД «Союз»; М.; 2022
ISBN 9785604671252

Аннотация

Старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры – полковник Олег Константинович Ермилов берется за расследование очередного коррупционного скандала, в котором замешан высокопоставленный чиновник торгпредства посольства России на Кипре – Юрий Леонидович Дедов. Примерный семьянин, отец двоих детей, в не далеком прошлом партсекретарь Плехановского института, затем старший специалист в торгпредстве в Португалии и наконец торгпред на Кипре. Он совершил столь головокружительный скачок по карьерной лестнице, что волей не волей напрашивался вывод о помощи некоего влиятельного лица, оказавшего ему поддержку в этом продвижении. Счастливый обладатель нескольких элитных особняков не только в России, но и за ее пределами. Очевидно, что зарплаты торгпреда едва ли хватило на все эти дорогостоящие

приобретения. Коррупционная составляющая на лицо. Но как подобраться к Дедову, если любые попытки даже намеков на эту тему встречают рьяный отпор на самом высоком уровне. И все же рано или поздно возмездие приходит. И избежать его не помогут ни большие деньги, ни слава, ни связи. Давно известно, что сила в правде. И в переломные моменты в жизни страны каждый выбирает свой путь и делает свой выбор, проявляя свой характер, в поисках настоящих ценностей. Теперь Олегу Ермакову предстоит доказать это в непростой борьбе за правосудие и справедливость, отстаивая честь и интересы своей страны.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ирина Дегтярёва

Капкан для МІ6

Auferte malum ex vobis (лат.) —

Искорените зло из среды вашей

© Дегтярёва И.В.

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «Союз»

Пролог

В Приемной ФСБ раздался телефонный звонок.

– Полковник юстиции Ермилов, – представился звонивший, – старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры. Мне нужен руководитель отдела, который занимается британской разведкой.

– Одну минуту, – бодро ответил дежурный, и в трубке повисла неестественная ватная тишина.

«Проверяют, откуда звоню», – мысленно усмехнулся Ермилов. Он специально звонил из своего кабинета, чтобы ни у кого не возникло сомнений в личности звонившего.

– Слушаю вас, – не представляясь, откликнулся новый голос.

– У меня в производстве сейчас дело. Так вот, главный фигурант заявил о своем многолетнем сотрудничестве с британской разведкой...

* * *

Перехват сотрудниками SAS ШКПС¹, находящимися на английской базе Акротири на Кипре, телефонного звонка,

¹ SAS ШКПС – штаб-квартира правительственной связи, занимается технической разведкой, в том числе радиоперехватом.

сделанного по сотовой связи. Звонок адресовался офицеру безопасности посольства РФ на Кипре:

– Алексей, здравствуй! Ты помнишь летний разговор? Ну, о том нашем общем знакомом, которого я разрабатывал? Не понимаю, он же сдал нам кадровика... Почему его до сих пор не взяли за жабры? Уже столько времени прошло. Или я чего-то не знаю? Обидно. Такую работу проделал, выудил эти сведения – и ничего, никакого движения.

– Олег, ты что-то... – собеседник, явно растерявшись, замолчал и сказал коротко и сухо: – Мне сейчас не слишком удобно разговаривать. Ты понимаешь? Перезвоню, когда будет время...

Конец июня 2010 года

Встреча посла России в Вашингтоне и заместителя госсекретаря США закончилась результативно: стороны приняли решение об обмене шпионами – сообщил осведомленный источник в дипломатических кругах. По сведениям того же источника, в частности, достигнута договоренность о возвращении в Россию Анны Чапман.

Москва не будет обнародовать список тех, кого вышлют взамен российских разведчиков...

Часть 1

Август 2000 года

Лететь в командировку Ермилову не очень хотелось. Пусть и на Кипр. Для непосвященных это вообще была туристическая поездка...

Его выбила из колеи ссора с женой накануне из-за какого-то пустяка, о котором в процессе скандала оба благополучно забыли, увлекшись предъявлением взаимных претензий. Всю ночь бегали из спальни на кухню и кричали шепотом друг на друга в коридоре, чтобы не разбудить детей.

Олег порывался даже уйти из дома, но, вспомнив о завтрашнем раннем вылете, скрепя сердце, заперся в ванной, чтобы сгоряча не наговорить еще большего, чем было уже сказано. В преддверии своего тридцативосьмилетия он все чаще начинал думать, а стоит ли терпеть ради детей, ради службы, на которой не приветствовались разводы... И все же он лукавил – существовало нечто большее, чем дети и заурядная привязанность, что удерживало от опрометчивых шагов...

Из крана капало, через этаж у кого-то бессонно бубнил телевизор, что только подчеркивало тишину. Ермилов уперся руками в раковину и чуть подался навстречу зеркалу, глядя в отражение своих глаз – светло-серых, обрамленных светлыми ресницами. Русые короткие волосы не закрывали про-

сторный лоб. Злые языки сказали бы, что полковник начал лысеть, но он всех убеждал, что и у его отца был высокий лоб.

Он прислушался. Люська тоже затаилась. Очевидно, обмозговывала в спальне словесные хитросплетения, которыми засыплет Олега, как только он покинет обитель уединения и легкого пара.

– Ага, сейчас, – проворчал он.

Накидал в ванну полотенец, пару махровых халатов, выстиранное постельное белье, аккуратной стопкой сложенное на стиральной машине, и улегся спать здесь, вспомнив, что так же делал давно в детстве, когда дома разыгрывалась буря, виновником которой становился он сам.

Лиловый халат жены оказался под головой. От него пахло яблочным шампунем. Олег начал остывать от ссоры и подумывал уже пробраться под бок Люськи под покровом ночи. Но, задернув пластиковую штору с нарисованными рыбками и таким образом отгородившись от света круглого матового светильника, висевшего на стене над раковиной, начал задремывать.

Проснулся от резкого хлопка перегоревшей лампочки. Невесело хмыкнул, подумав, что сказали бы сослуживцы, увидев его сейчас. Он с кряхтением выбрался из ванны, чтобы идти менять лампочку. Глупо было спать в ванной, совершенное ребячество. Болела шея и спина.

Жена еще спала, когда за Ермиловым приехало такси. Бу-

дить Люську он не стал. Теперь, сидя в кресле самолета, прокручивал в голове вчерашнюю ссору и никак не мог сосредоточиться на предстоящих делах. Вернее, аванюре, в которую ввязался с подачи старого приятеля, однокашника по юридическому институту, сотрудника ГУБЭП. Игорь Логачёв скинул дельце и, небось, ручки сейчас потирает.

Он объявился совершенно неожиданно, позвонил на рабочий телефон.

– Олег Константинович? Здорово, «важняк»! Не узнаешь старых друзей? – приветствовал он довольно бесцеремонно полковника Ермилова.

– Игорёха, ты, что ли? Вот делать мне больше нечего, как в угадайку играть.

– Есть минутка?

Что-то в голосе друга показалось Олегу настораживающим. Он взглянул на часы.

– Ну, допустим.

– Тогда не по телефону, – попросил Логачёв.

– Ты всегда был наглым, – Олег уже убирал папки со стола в сейф. – Приезжай в нашу кафешку, ту, на углу.

Ермилов с удовольствием прогулялся пешком от Большой Дмитровки до угла между Бронными улицами. Летний вечер благоприятствовал такому променаду.

Олег издалека увидел худошавую фигуру Игоря, который обрадованно тряхнул копной черных волос в приветственном кивке. Его черные глаза смотрели доброжелательно, но

изучающе. Не изменился ли Ермилов, не забурел ли на должности старшего следователя по особо важным делам Генпрокуратуры?

– Заматерел, – наконец, заключил Игорь. – Здоровьяком был, а теперь совсем медведь.

– А ты все такая же свиристелка, – не удержался от колкости Ермилов. Они прошли в кафе, сели за свободный столик у окна с видом на скульптуру черного аиста. – Выкладывай, зачем звал. Есть я не буду, Люська не оценит мою внезапную сытость после рабочего дня.

– Людмила? Короткова? Ну ты упертый тип! Я думал ваши отношения ненадолго. Неужели не разбежались? Она же в адвокатуру пошла после института? Перспективная была девица. Тщеславная, всегда рвалась карьеру делать.

– Давно дома сидит. Сыновья родились, двойняшки. Она декрет отсидела, потом три года проработала. Вернее, пыталась. Все больше на больничном с ними – то корь, то ветрянка. А теперь уже шесть лет домохозяйка, – Олег замолчал, выжидаяще уставившись на друга.

Тот не торопясь начал поедать принесенные официанткой вареники со сметаной.

– Не смотри так, я подавлюсь, – Игорь промокнул салфеткой губы. – Хочу тебе дать наводку на одного перца. Однако очень жгучий перчик. Мне на моем месте он явно не по зубам, не дадут разрабатывать, все руки отобьют.

– Какая-то шишка? – догадливо кивнул Ермилов, украв

из тарелки Игоря вареник.

– Он сейчас на Кипре, торгпред в нашем посольстве. Сечешь? – Логачёв подмигнул. – Есть у меня человечек в одном банке. Сливают мне кое-какую информацию по мере сил и возможностей...

– Симпатичная? – невинно посмотрел на него Олег.

– Иди ты! – Игорь, опустив голову, усмехнулся и продолжил с нажимом, оттеняя местоимение «он»: – Он сообщил, что через их банк довольно часто осуществлялись крупные переводы денежных средств на Кипр. Как бы все легально. Разные фирмы, заработав денег на торговле, решают приобрести акции неких фирм, зарегистрированных на Кипре. И все бы ничего. Но суммы очень крупные, а те фирмы вроде бы имеют все активы, о которых указано в документах, однако это только по документам. Отсюда, из России, проверить существуют ли эти активы в природе, затруднительно. Но человечек мой обратил внимание на этот круговорот денег в их банке, потому что трижды в документах прозвучало имя Юрия Леонидовича Дедова. Две из этих фирм-однодневок были основаны на его имя. В третьей он состоял в акционерах. А ведь Дедов – чиновник Внешторга. Или что там после 91-го года от министерства осталось? – Он пощелкал пальцами, пытаясь вспомнить, но махнул рукой. – Все равно по инерции все его Внешторгом зовут. И вот Юрий Леонидович меня заинтересовал.

– Однодневками? – переспросил Ермилов.

– Именно так. Я успел узнать, что этих фирм уже не существует в природе – разорились. Затем аккуратно попытался прощупать, что из себя представляет сам Дедов. И как ты думаешь, что произошло? – Игорь иронично улыбнулся, взлохматил волосы на затылке.

– Получил по шапке от руководства? – грустно предположил Ермилов. Его чутье следователя прокуратуры подсказывало, что сегодня он найдет-таки приключения на свой не слишком уже молодой организм.

– Как ты догадался? – ехидно уточнил Логачёв, приканчивая вареники. – Ты, дружище, зришь в корень. Власть сменилась. – Он указал пальцем в потолок кафешки. – Однако наше руководство работает с оглядкой, надеется, что все будет, как прежде. Выжидают... Жаль упустить этого Дедова. А судя по тому, как за него рьяно вступились на самом высоком уровне, о чем намекнул мой шеф, торгпред тот еще жук. Раскрутить бы его по полной, чтобы другим неповадно было. Может, настало уже время? А? Вон Гусинского посадили же ваши ребята.

– По 159-й, – кивнул Ермилов и уточнил: – Через три дня выпустили под подписку.

– Лиха беда начало... Но все равно у тебя возможностей-то больше.

– Спасибо! Только почему я должен стать этим первопроходцем в деле раскручивания наших доморощенных коррупционеров?

– А я ждал этого вопроса! – засмеялся Игорь. – Да потому что ты у нас на курсе был самый принципиальный и упертый. Чего тебе втемяшится в голову, долбежкой не выбьешь. Ты единственный в Генпрокуратуре окопался. А вообще... – Он помолчал и добавил: – Интересное должно быть дельце.

– Если мне его возбудить дадут... Сперва проверку надо провести, да к тому же негласную, чтобы не спугнуть, да и не привлекать внимания тех персон, которые тебе по шапке надавали посредством твоего шефа. Ладно. – Олег встал и протянул ладонь для рукопожатия. – Рад был увидеться. Хорошо бы нашим всем собраться. Я слышал, что Чиграков на Лубянке следователем. Везунчик!

– Да ну их с их секретностью, – беспечно махнул рукой Игорь.

– Не скажи, – пожал плечами Ермилов. – Всегда хотел там работать. Но взяли Чигракова. У него отец там служил, может, поэтому?

* * *

К удивлению Ермилова начальник следственного управления Генпрокуратуры Карпенко отнесся к нарисовавшемуся фигуранту по еще несуществующему делу с интересом и без брезгливой гримасы, с какой обычно отбрыкивался от «невыгодных» дел.

В его продолговатом кабинете со множеством цветочных

горшков с аспарагусами и щучьими хвостами, с плющами и геранями Ермилов чувствовал себя, как в ботаническом саду. Вообще, большинство следователей, особенно женщины, а их на следствии работало всегда много, увлекались кабинетным садоводством. Брели друг у друга ростки, побеги, корневища, листочки. Олега эта цветочная лихорадка раздражала. У него в кабинете стоял одинокий кактус и то не его, а доставшийся по наследству от бывшего владельца кабинета. Частого полива не требует, да и выбросить жалко.

– Олег Константинович, ты что-нибудь успел разузнать про Дедова?

Ермилов смущенно хмыкнул. Напрямую узнавать о Дедове нельзя, есть большая вероятность вспугнуть раньше времени. Пришлось действовать хитростью, используя связи, наработанные за годы, проведенные на следствии.

– Ваша секретарша Светочка, позвонила к нему на работу и своим нежным голоском поинтересовалась, где ее знакомый, и очень расстроилась, когда узнала, что Юрочка сейчас на Кипре в служебной командировке. Здесь на нем зарегистрированы три квартиры и два коттеджа. Я задействовал однокашников-юристов из Росреестра... Узнал без официального запроса. Короче, на его супругу тоже осуществлялась покупка недвижимости – домик в Сочи. Что-то мне подсказывает, что и на Кипре, где он работает много лет, Дедов обзавелся виллой с красивым видом на море. Вопрос, откуда деньги?

– Вопрос риторический, – Карпенко пригладил седые волосы, зачесанные назад. – Надо действовать, Олег Константинович. Хорошо бы разузнать аккуратно про эти домики. Кто там живет, если хозяин сейчас в служебной командировке на Кипре? Он там с семьей?

– Разведаю. А что, думаете, не его избушки?

– Во всяком случае, не все. Чего мне тебе объяснять! – Карпенко покосился на телефон, который издавал пронзительные трели уже несколько секунд, и вздохнул. Но трубку не поднял. – Подключи кого-нибудь понадежнее из оперов. Или сам, на цыпочках.

– Цыц, цыпленок, цыган на цыпочках, – пробормотал Ермаков. – А если в Сочи смотаться? А?

– Думаю, лучше на Кипр, – без тени иронии сказал Карпенко. – Любопытно поговорить с тамошним посольским офицером безопасности.

– Несомненно. Только станет ли он со мной разговаривать? Если и удастся поехать, только по туристической путевке. Все это неофициально...

– Это уж моя забота. Главное, заполучить еще какие-то дополнительные данные об этом Дедове, чтобы принять окончательное принципиальное решение. Хотя то, что он обладает таким количеством недвижимости, находясь на государственной службе, уже повод для возбуждения дела. А если еще выяснится, что жена не работает, не владеет прибыльным бизнесом, то сам понимаешь, чем это пахнет.

– До семи лет по 285-й, учитывая, что он на государственной службе, – охотно подсказал Ермилов.

Олег знал, что у Карпенко удивительное чутье на дела, которые удастся довести до суда. Много раз убеждался в этом. Поэтому не стал откладывать в долгий ящик свое законспирированное расследование.

Выйдя из кабинета шефа, Ермилов набрал номер на мобильном, который помнил наизусть, и бодро заговорил:

– Слава, здорово! Есть тема. Надо бы пересечься. Ты на колесах? Подберешь меня у прокуратуры?.. Минут через сорок? Есть! Жду.

До приезда Вячеслава Богданова Ермилов успел выпить чаю со Светочкой, секретаршей шефа, и собрал массу сплетен о сотрудниках Генпрокуратуры. Олег никогда не пренебрегал получением любой информации, пусть даже самой нелепой. Он неоднократно убеждался, что каждое лыко в строку.

Ермилов вышел, привычно продемонстрировав удостоверение милиционеру на выходе из прокуратуры, и сел в подъехавшую серую «Тойоту». Пожал руку здоровяку, едва умещавшемуся за рулем, и засмеялся:

– Очередной конфискат? – Он похлопал по приборной панели. – Ты каждый раз на новой тачке.

– Это всего-то третья, – смущенно забасил Слава. – И вообще, я за нее платил, не полную сумму, конечно. Но так это же конфискат. А ты чего меня дернул? У нас сегодня еще

запланирована реализация вечером. Собровец закупает оружие, будем брать с поличным торговца, – он взглянул на часы, перевернувшиеся на внутреннюю поверхность запястья.

– Нужна твоя помощь. Ты же в областном УБОПе. Тема как раз для тебя... – Олег взглянул на него с грустью. – А ты чего-то постарел, дружище. Как старый пес, седой на висках.

– Ну, ты тоже не молодеешь. Зато бабы меня любят, и седина в этом деле не помеха, – Богданов подмигнул озорным голубым глазом. – Чего за тайны мадридского двора, выкладывай...

– Надо наведаться в адрес, вернее, в несколько, по области и очень осторожно разведать, кто там живет, кто бывает. Но не беспокоить хозяев никоим образом.

– Кто в теремочке живет? – схохмил Вячеслав. – Не смотри так грозно. Сделаю все в лучшем виде. Когда я тебя подводил?

Глядя на него, Ермилов каждый раз невольно вспоминал Славку другим. Как он, окровавленный, с животным рыком, тащил на себе тогда еще подполковника Ермилова под обстрелом от подорванного на фугасе бэтра, к развалинам ближайшей пятиэтажки, чтобы укрыться от пуль. Тяжело раненый Богданов еще отстреливался из «калашникова», пока не потерял сознание.

Олег отделался, как он считал, легко, – контузией и простреленной ногой. А вот Славка в госпитале провалялся почти полгода, а после этого перевелся из СОБРа на оператив-

ную работу. Они дружили с тех пор, с начала 1996 года.

То дело, из-за которого пришлось ехать в Чечню, вел не Ермилов, он просто работал в составе следственной группы. Большинство из этой группы отправляться в воюющий Грозный под разными благовидными предложениями отказались. Ермилов как всегда оказался впереди, на коне и с шашкой наголо. Он любил шутить, что так происходит с ним всегда из-за медлительности – когда из строя вызывают добровольцев, все делают шаг назад вместо того, чтобы шагнуть вперед, а он, замешкавшись, оказывается впереди строя «смельчаков».

Уголовное дело тогда было возбуждено по фактам крупных хищений государственных денег членами правительства Доку Завгаева. Причем сам Завгаев являлся инициатором разбирательства, поскольку заподозрил мэра Грозного в хищениях (вероятно, что-то не поделили). А затем дело передали из прокуратуры Чечни в Генпрокуратуру. Вот и поехал Ермилов в Грозный, где изымал документы в министерстве финансов и мэрии Грозного. Около пятидесяти пяти миллиардов рублей уплыли за рубеж.

Люське он не сообщил, куда едет в командировку. В итоге она все узнала, когда его военно-транспортным самолетом Ил-76 доставили из Минвод. Там, в Минеральных водах, он оказался в первые дни после ранения.

Людмила примчалась в госпиталь имени Вишневского, ворвалась в палату, увидела синеватое после контузии лицо

Олега, его ногу, наспигованную железками аппарата Илизарова, и плюхнулась на пол без сознания, распластавшись на белом халате, соскользнувшим с ее плеч. Она была такая тихая и милая, когда лежала на полу. Но когда соседи по палате ее подняли, а медсестра сунула ей наштатырь под нос, Людмила начала так вопить, что сбежался на происшествие, наверное, весь госпиталь...

Богданов, в 96-м замкомандира подмосковного СОБРа, обеспечивал охрану следователя. Возил его по разбомбленному городу и сетовал, что подполковник Ермилов приехал не в самое удачное для юридических прогулок время. Словно в воду глядел...

– Как быстро тебе это надо? – напомнил о себе Вячеслав. Он сидел облокотившись о руль.

– Чем быстрее, тем лучше. Вообще, давно мы с тобой не виделись. Жаль, что ты спешишь. Может, сходим на теннис в выходные?

– Мне хватает физической нагрузки на службе, – вздохнул Богданов и лукаво покосился на друга: – Ты мог бы с теннисом теперь так не усердствовать. Это уже не модно. Лучше дзюдо...

– Ты же знаешь, я теннисом с юности занимаюсь, – чуть обиженно заметил Ермилов.

– Да шучу я! Чего ты? А в принципе, встретиться можно. Пивка попить... Мы вчера ребят туда проводили, настроение, знаешь ли, хреновое. – Он скривил тонкие губы. – По

три месяца командировки в Чечне. Подрывы один за одним. Парень у них погиб недавно. 5 июля. С Первомайского погибших не было, а теперь... — Вячеслав махнул рукой. — А главное, сволочи, что делают, подрывают фугасы под техникой, когда бойцы внутри, как в консервной банке. А как только поступает общий приказ нашим войскам ездить на броне, тут же духи фугасы на обочинах ставят, чтобы осколками... А кстати, что там с делом, по поводу которого ты в Грозный мотался?

— Его Николай вел. Я только на подхвате был. В 97-м предъявили обвинение мошенникам. Но денежки-то, пятьдесят пять миллиардов, тю-тю. Ездили следователи на Кипр, но счета практически пустые. А из других стран, куда делали запросы, ни ответа ни привета.

— А по новому делу мне надо знать какие-то детали?

— Самое главное, чтобы никто не начал дергаться раньше времени. Мы еще по нему не возбудились. Так что сам понимаешь... Там могут быть, даже наверняка есть камеры наружного наблюдения. Не попади в кадр.

* * *

Через три дня Вячеслав отзвонился:

— Олег, сможешь приехать на Витебскую? Я сегодня дежурю, отлучиться не могу. Тут и поговорим.

— Есть о чем? — заинтересовался Ермилов.

– Тебе понравится, – довольным голосом подтвердил друг.

Олег воспользовался служебной машиной – не хотелось тащиться по жаре. Доехали по Можайке с ветерком, еще не настал час пик, когда все ринутся на дачи. Красное кирпичное здание начала века выходило на довольно тихую улицу.

– О, магазинчик продуктовый, – обрадовался водитель Миша. – Олег Константинович, можно я забегу? А то жена дырку в голове сделает посредством острого языка. Он ведь у нее как сверло...

– Валяй, – благожелательно разрешил Ермилов. У него холодело под ложечкой, а это верный признак того, что его ожидают интересные новости.

Он прошел через КПП, предъявив удостоверение, поднялся на пятый этаж.

Вячеслав подготовился – разложил на столе фотографии. Увидев входящего полковника, не здороваясь, указал на них широким жестом:

– Специально для тебя распечатал. Оцени! – Он широко улыбался.

– Ничего себе! – оживился Ермилов и тоже заулыбался, так что появилась ямочка на правой щеке. – Как тебе это удалось?! Блин! Это же замминистра финансов. А это тоже какая-то до боли знакомая физиономия. Не вспомню, кто же... Так, теперь подробности. – Он сгреб фото, собрал их в стопку и звонко пристукнул ими по столу. Затем переместился

на диванчик у дальней стены кабинета и расположился там, закинув руки на спинку.

– Учитывая твою просьбу шифроваться, много узнать не удалось. Один дом находится на берегу Истры в таком навороченном закрытом поселке, что попасть туда, не вызвав подозрений, вообще нереально. Если только с реки водолазов запускать. Так-то можно попробовать...

– Не увлекайся. Ближе к делу, – строго попросил Ермилов.

– Второй домик, где я сфоткал замминистра, был доступнее. Я осмотрелся на местности, поговорил с соседкой, представившись потенциальным дачником, жаждущим снять фазенду на август. Она сказала, что тут дорого снимать. Я начал выпендриваться, дескать, денег у меня куры не клюют, мол, могу купить тут любой дом или пару. Вот хоть, например, этот, и показал на интересующий меня объект. Она рассмеялась и говорит: тут такой влиятельный человек живет, что нечего мне и соваться. Не по Сеньке шапка. Короче, он там жил с самого начала. Более того, жена замминистра активно участвовала в строительстве дома. Приезжала, следила за проведением работ. Ты ведь это хотел узнать?

Ермилов задумчиво кивнул.

– Там офигительный дизайн на участке. Бассейн, фонтаны, парная, купель на улице. Соседка продемонстрировала мне участок через забор. Даже в дом свой завела, со второго этажа разрешила посмотреть. Хвасталась так, словно это ее

имущество. Думаю, этого замминистра тоже можно за бока брать.

– Своевременно или позже, – Олег снова принялся рассматривать фотографии. – А гости? Много людей туда приезжает?

– Практически никого. Только родственники и то редко. Живут уединенно. Летом. И не все время. Соседка мне напела, что женушка замминистра любит путешествовать по миру.

– А что по поводу этой фотографии? – Ермилов вглядывался в лицо пожилого человека, сфотографированного сбоку.

– Это Граевский Иван Лукич. Пенсионер. Дом тоже будь здоров, хотя сразу не подумаешь, что богатый.

– Престарелый родственник?

– Погоди, – поднял ладони в успокаивающем жесте Вячеслав и продолжил: – Снаружи дом простовато выглядит. Но потом я глянул – камеры, охрана за забором в маленьком домике и участок необъятный, несколько гектаров – лес, сосны. Знаешь, – он сел рядом, закинул руки за голову, вытянул длинные ноги, – я бы сам не отказался в такой избушке пожить. Вот отчего ни у тебя, ни у меня такого нет?

– Не ворует, – помрачнел Ермилов, вспомнив о своем финском домике, который третий год жена жаждала покрасить, причем отчего-то обязательно посредством не очень умелых ручек Олега. Пока он собирался приступить к по-

краске, дом потихоньку облезал и выглядел уже не зеленым, а пятнистым. Ермилов покосился на друга: – Кстати, а ты не хочешь совместить приятное с полезным? Отдохнуть у меня на даче, попариться в бане, пожарить шашлыки и... помочь мне покрасить дом. А? Ну чего ты фигу показываешь? Вот если бы ты меня попросил...

– А у меня дачи нет, Константиныч! – весело и ехидно откликнулся Вячеслав.

– Так что Граевский? – посуровел Олег. – Ты ведь не у охранников его фамилию узнал?

– Местный участковый оказался моим знакомым. Пришлось проставиться. Кстати, расходы за твой счет... Так вот Граевского однажды ограбили, пока он отдыхал в Карловых Варах. Окна побили. Деревенские пацаны резвились...

– А охрана?

– Он ею только после кражи обзавелся. А тогда моего знакомого участкового Геннадьевича взяли за интимные места так, что он бегом бежал по следу малолеток не хуже собаки-ищейки.

– Сам Граевский сотворил с ним такой кощунственный акт?

– Не-а. Начальство беднягу шлифовало мелкой наждачкой. А само руководство, в свою очередь, пользовали из разных министерств – внутренних дел и внешней торговли. Не хило, да?

– У него дети, что ли, какие высокопоставленные чинов-

ники? – удивился следователь.

– Он сам. Ушел на пенсию из Внешторга.

– Ну, связи остались, – с сомнением покачал головой Ермилов. – Несомненно. Но ты сам знаешь, когда человек уходит на пенсию, не слишком-то заботятся о нем. Отработанный материал. А тут... Странно.

– И я о том. Геннадьич говорит, такой кипеж подняли, что караул... Чай будешь?

– А что покрепче имеется?

– Вообще-то это с тебя причитается! – возмущенно покрутил головой Вячеслав, но полез в нижний ящик письменного стола и бухнул на стол бутылку коньяка. – Только тебе, я ведь дежурю. Вот это буду. – Он извлек из сейфа консервную банку со сгущенкой.

– Ну и сластена ты! – Олег потер переносицу в раздумье. – А если я тебе три банки дам, приедешь на дачу дом красить?

– Не мытьем, так катаньем, – засмеялся Вячеслав. – Людмила твоя мозг выедает?

– Поуважительнее! – тем не менее Ермилов улыбнулся. – Это все? – он потряс пачкой фотографий.

Вячеслав подал другу бокал с коньяком и блюдец с лимонными дольками. Выглядел он озадаченным.

– Странно. Ты интересовался этим Дедовым, а в домах, зарегистрированных на его имя, живут другие. Ну, допустим, в случае с замминистра это обосновано. Тот прячет доходы, покупает имение на другого человека. Но кто этот человек,

почему он сам не боится попасть под пристальное внимание бэповцев или Генпрокуратуры?

– Тем паче, что Дедов сам госчиновник. Работает во Внешторге, – подхватил Ермилов. – Одним могу объяснить – чувством безнаказанности. Однако *tempora mutantur et nos mutamur in ilis*.

– Не дави на меня ерундичией, – жалобно попросил Вячеслав.

– Это я к тому, что времена изменились. И мы тоже. Предел терпения наступил.

– Можно даже скаламбурить по этому поводу – наступил предел беспределу.

– Каламбурить будем, когда я прищучу этих коррупционеров, – урезонил друга Ермилов.

– И если не начнется звездопад с твоих полковничьих погон, – осмотрительно заметил Слава.

– С каких пор ты стал таким прагматиком?

– Да, знаешь ли, ступенчато к этому двигался, – Вячеслав отошел к окну и закурил, оттянул пальцем полоски жалюзи и посмотрел на улицу. – До меня, дурака, долго доходило. Сначала во время штурма Грозного, когда я еще в 131-й бригаде служил...

– В Майкопской бригаде? – оторопел Ермилов. – Там ведь совсем немногие выжили?

– Как видишь, я среди их числа... Комбрига потеряли и всех почти наших. У вокзала нас долбили, долбили духи

из пятиэтажки, из «дома Павлова». Двое суток в окружении, контузия, барабанную перепонку повредили мне тогда. Я мертвым прикидывался... — он усмехнулся. — Выползал, прятался по домам, подворотням... Так первые дни Нового года и встретил. Потом Первомайское — и осколки в плече и в затылке, в голову аккуратно под «бестолковку» прилетел. Я уже в СОБРе служил. Потом один подрыв, следом второй, когда с тобой в «елочку» попали, — Вячеслав выматерился. — А они тут в это время деньги тырили. Продали нас тогда с потрохами и с договором этим в Хасавюрте... Оттянули, когда мы их уже дожимали, блин. А ты говоришь, коррупция! Когда они нас из нашего же оружия мочили. — Пепел с сигареты столбиком, незамеченный Славкой, упал на подоконник. — А у них дворцы, понимаешь, на нашей крови, на наши деньги. — Он обернулся, подошел к столику около Ермилова, где стояла бутылка с коньяком, налил себе и не чокаясь выпил.

Олег молча последовал его примеру, не решившись напоминать о дежурстве. Он взглянул на часы и спросил:

— Позвоню от тебя?

Вячеслав указал жестом на стол, где стояло два телефонных аппарата.

— Виталий Романыч, это Ермилов. Я сейчас подъеду. Дождетесь меня? Это по делу Дедова.

— Ладно, — ворчливо согласился Карпенко. — Жду тебя. Вообще-то, я домой уже собирался. Сам понимаешь, лето

всего три месяца...

Кроме того, что в кабинете Карпенко развел ботанический сад, он и на даче боролся за урожай, показывая невероятные сельскохозяйственные успехи в условиях климата Подмосковья. Угощал сотрудников то черной смородиной, то яблоками, то редиской...

– Слав, поеду я, – Олег хлопнул ссутулившегося на диване друга по плечу. – Не кисни. Прорвемся.

– Куда? – скривился Вячеслав. – Куда прорвемся?.. И надо ли рваться?..

Эти слова друга звучали в голове Ермилова, когда он ехал в машине опять на Большую Дмитровку. В салоне одуряюще пахло свежим хлебом из пакетов на заднем сиденье. Михаил негромко ворчал на жену. Ветер врвался в открытое окно.

А на душе у Олега было муторно. Не нравился ему настрой Вячеслава, да и не разделял он его мнение. Ермилов не был циником, несмотря на жизненный опыт. Ему все еще верилось, что жизнь не такая унылая штука, какой порой кажется. Но и особых иллюзий по поводу службы не испытывал.

Сколько раз приходилось хитрить, соглашаться на компромиссы с подследственными, с их адвокатами, чтобы добиться хоть какого-нибудь результата, посадить того, кто по-настоящему заслужил. Олег знал прокурорскую кухню и все-таки каждый раз надеялся, что не будут раздаваться телефонные звонки с настойчивыми просьбами, угрозами, уве-

щеваниями закрыть то или иное дело, а потом порой тщетно ждал, что дело не развалят в суде или не дадут обвиняемому условный срок.

В кабинете Карпенко на распахнутых окнах шуршали жалюзи, от сквозняка трепетали листья многочисленных горшечных растений. Над столом висел небольшой портрет нового Президента, инаугурация которого прошла весной. Уголок рамки приподнимало сквозняком, и портрет ритмично постукивал о стену.

Карпенко рассмотрел фотографии, сделанные Богдановым, снял очки, потер глаза, покрасневшие за рабочий день.

– Ну что же, будем возбуждаться, Олег Константинович? – Он поднял брови, собрав морщины на лбу лесенкой, и вздохнул.

– Вас что-то смущает, Виталий Романович? По-моему, все очевидно. Недвижимость зарегистрирована на Дедова, а он не может обладать такими денежными средствами, находясь на должности торгпреда в посольстве. Даже если он будет клятвенно заверять, что деньги не его, а чиновника из министерства финансов и Граевского или еще кого-нибудь, он – соучастник. Прикрывал их коррупционную деятельность. Он сдаст их и сядет сам.

– Твоими бы устами мед пить. Надо прежде слетать на Кипр и переговорить с тамошним посольским офицером безопасности, – Карпенко перевернул страницу на ежедневнике, лежащем на его столе, надел очки и прочел фами-

лию: – Руденко. Я уже переговорил со своим приятелем из СВР, он предупредил Руденко, и тот тебе окажет всемерное содействие. Кстати, меня просили тебя предупредить. Едешь, естественно, без дипломатического паспорта, как турист, будь там повнимательнее.

Ермилов пожал плечами, подумав о приятеле шефа: «Перестраховщик», а вслух сказал:

– Да, так было бы надежнее – провести разведку до того, как решим возбуждать дело. Иначе информация наверняка просочится. А Дедов сейчас на Кипре, и есть вероятность, что тогда мы его просто-напросто больше не увидим в России. В любом случае, надо будет ждать его приезда и брать тут тепленьким. Многое еще зависит от того, удастся ли что-нибудь узнать от Руденко. А его телефон, координаты? – Ермилов взял протянутый Карпенко листок. – А командировочные или отпускные, раз я еду по туристической?

– Наглый ты, Олег Константинович, – крикнул Карпенко, но все же кивнул и сделал пометку для себя в ежедневнике. – Придумаем что-нибудь. Всё, всё. По домам. Я на дачу хочу! Ночевать на свежем воздухе...

* * *

Олег задремал в самолетном кресле под монотонный голос соседа. Тот летел на паломничество по святым местам Кипра. Он что-то говорил про монастыри Кикос и Махерас.

«Вот же люди думают о чем-то кроме статей из УК, коррупции и упырей в чиновничьих костюмах, – сквозь сон подумал Ермилов. – О духовном, понимаешь, мечтают. Ничего, мы тоже помечтаем, когда с упырями разберемся».

Самолет накренился на крыло, совершая поворот перед посадкой в Ларнаке, и ребенок, сидящий в соседнем ряду, возвестил, разбудив Ермилова: «Мама! Море!»

Разлепив глаза, Олег глянул в иллюминатор. Остров, чуть изогнутый, слегка напоминал полумесяц. Взлетно-посадочная полоса почти срывалась одним концом в море. Самолет снизился и, едва не чиркнув брюхом по водной глади, понесся по полосе. Слева виднелось что-то вроде белоснежного поля.

– Соляное озеро, – пояснил кто-то сведущий из пассажиров.

Олег различил это сквозь ватный шум в ушах, который еще не прошел, и некстати вспомнил, что одной из претензий Люськи была его поездка на Кипр, несанкционированная ею. Они с детьми давно не отдыхали вместе на море. Зимние отпуска с поездками в санаторий, куда не пускали с детьми, она за отдых не считала. Детей на это время отправляли в Дмитров к теще и тестю.

Доводы Ермилова по поводу того, что командировка – это не отдых, действия не возымели. В итоге он спал в ванной...

Аэропорт в Ларнаке отчего-то напомнил Олегу ростовский. Наверное, из-за небольших габаритов и духоты. Пока

доплелся от трапа до терминала, рубашка прилипла к спине. Августовское пекло, сопровождаемое ежегодной засухой, давало о себе знать, несмотря на вечернее время.

Паспортный контроль Ермилов прошел без заминок и замешкался у стойки для туристов, где можно было взять карту города. И в этот момент почувствовал заинтересованный взгляд на своем затылке. Такой настойчивый, внимательный...

Вспомнилось предупреждение шефа быть бдительным, которое Ермилов тогда не воспринял всерьез.

Поискав глазами отражающую поверхность, Ермилов сделал несколько шагов к рекламному щиту со стеклянным покрытием. В отражении Олег срисовал парня лет двадцати пяти, жмущегося к колонне в центре зала. В бежевой футболке и в темно-синих джинсах.

«Упрел бедный, – посочувствовал следователь. – К чему бы это – к добру или к худу?»

Ермилов подхватил свою сумку и пошел к туалету. Умылся прохладной водой, посмотрел в зеркало на свое лицо в капельках воды и покачал головой.

«Если он кого-то встречает или сам только что прилетел, то долго ошиваться тут не станет. А если по мою душу... Но с чего бы? Нет, наверное, показалось».

Олег вышел в зал прилета и старался не вертеть головой по сторонам, но тут же увидел парня в знакомой уже бежевой футболке около стойки турфирмы, где несколько минут

назад стоял сам.

Это наводило на неприятные мысли. Подозрительный парень расспрашивал девушку – сотрудницу турфирмы, видимо, проверял, что делал Ермилов около этой стойки. Она кивала немного скованно, затем показала в сторону туалета.

Ермилов двинулся к выходу. Но внезапно остановился, опустил сумку на пол и принялся запихивать в боковой карман карту Ларнаки, которую все же успел взять. Мельком взглянув назад, увидел, что «бежевый» снова пристально смотрит в его сторону.

«Да мало ли. Это у меня уже профессиональная паранойя. Мания преследования. – Следователь отер лоб платком. – Ну а даже если следят? Сейчас пытаться уйти от него глупо и вызовет еще большие подозрения. Узнать, в какой гостинице я остановлюсь, – не проблема. Незачем таиться».

Олег взял такси до гостиницы, так как ехать до нее от аэропорта было минут двадцать и не так уж дорого. Сел рядом с шофером, едва не перепутав правостороннее водительское место с пассажирским. Ермилов с благодарностью вспомнил мать, которая настояла, чтобы он учился в английской спецшколе. Язык сидел у него в подкорке, и даже с кипрским таксистом, обладателем богатой седой шевелюры и продубленной солнцем кожи, говорящим с заметным греческим акцентом, Олег мог разговаривать, не особо напрягаясь.

Вполуха слушал болтовню шофера, жалующегося на жару

и засуху, а сам поглядывал назад через боковое зеркало. Но из аэропорта выезжало немало машин, и вычлениить авто наружного наблюдения не представлялось возможным.

Через час, заселившись в номер и переодевшись, Ермилов уже купался. Грех было не воспользоваться такой возможностью. Вода за день нагрелась и напоминала довольно-таки горячую ванну. К заплывам не располагала, а только к неподвижному зависанию в толще морской воды, почти как в Мертвом море. Олег чувствовал уколы совести, вспоминая жену и детей, но успокаивал себя тем, что привезет им подарки. А во-вторых, если дело Дедова удастся довести до логического завершения, то потребует у руководства нормальный летний отпуск и уже если не на Кипр, то в Сочи поедет всей семьей.

Необходимо было сегодня созвониться с Руденко, но в связи со странной «встречей» в аэропорту, Ермилов думал, как лучше поступить. В итоге решил выждать до утра, а после пляжа повнимательнее осмотреть номер, в который его заселили. Ничего подозрительного Олег там не обнаружил и пораньше лег спать.

Длинная штора из полупрозрачной ткани чуть колыхалась. Во дворе отеля раздавались голоса, официанты звякали посудой и столовыми приборами в ресторане на террасе. На шторе то и дело мелькали тени – это летучие мыши охотились.

Сон не шел. Олег вытянулся на чуть жестковатой от чи-

стоты простыне и смотрел на эти тени. Из головы не шел разговор с Вячеславом... Они дружили уже четыре года, но о том, что Богданов служил в Майкопской бригаде, Олег не подозревал.

Эта бригада втянулась в Грозный 31 декабря, чтобы захватить железнодорожный вокзал – пустое здание, разбитое авиацией. Бригада попала в окружение, и дудаевцы обрушили на них шквал смертоносного огня. Потеряла бригада сто пятьдесят семь человек. Двадцать четыре офицера... Выжившие вышли из-под обстрела только 2 января.

«Как жизнь людей перемалывает, – думал Ермилов. – За десять лет от Советского Союза к развалу страны, к войнам, терактам... В Ростове военно-медицинская лаборатория неопознанными трупами солдат переполнена... И одновременно с этим по Москве рассекают на черных джипах бандюки из ОПГ. Расплодились, выползли из всех щелей – спортсмены, бывшие военные, менты, афганцы, ребята с первой чеченской... Научились стрелять по людям, остановиться никак не могут. Славка не успевает со своими операми и собровцами контрольные закупки стволов совершать. Всем торгуют, вплоть до гранатометов. Да и коррупция... Она, конечно, всегда была во власти, но сейчас приобрела совсем уж алчные, уродливые формы. Ну куда столько домов, яхт, машин? Какое-то бесконечное, бессмысленное накопительство, и ладно бы на честно заработанные. Черeda заказных убийств, перестрелок».

Он встал, прошелся по номеру, шагнул на маленький балкон, оперся о перила. В темноте дышало море густой чернотой, чуть проблескивая в слабом свете с берега. Духота облепляла. Какой-то белый прожектор на рыбацкой лодке или огонек на буйке довольно далеко от берега мигал. Олег насчитал девять вспышек. Затем огонек гас и через время снова мигал девять раз.

«Девяностые закончились, но с каким балансом мы подошли к началу нового века? Экономика в руинах, безденежье, долги, коррупция, организованные преступные группировки, война, терроризм. Да, не позавидуешь ему, – подумал Ермилов, имея в виду нового Президента. – Попробуй разгребь эти завалы. И есть ли желание? Хотя, если б не было, не взвалил бы на себя эту ношу. Тут или грудь в крестах, или голова в кустах».

Вдруг пронзительно зазвонил телефон в номере на тумбочке у кровати. Ермилов, вернувшись с балкона, снял трубку. Тишина. Он взглянул на светившиеся в темноте цифры электронных часов – половина второго ночи. «Ошиблись», – решил он. Задвинул балконную дверь и включил кондиционер. Попытался уснуть.

Но через полчаса снова раздался звонок. И опять тишина в трубке. После третьего ночного телефонного звонка Ермилов спустился в вестибюль и поинтересовался у портье: «Доколе?» – на что девушка на ресепшене с характерным прибалтийским акцентом по-русски принесла извинения, а по-

том начала что-то проверять по компьютеру.

Пока она это увлеченно делала, Олег успел разглядеть ее. Светлые гладко зачесанные волосы, стянутые на затылке в небольшой хвостик, скуластое, бледное, почти не загорелое лицо, крупные губы, ненапомаженные, словно бы искусанные. Усталая, но профессионально бодрящаяся, с дежурной улыбкой, с тонкими припудренными морщинками в уголках больших синих глаз. Высокая, модельной внешности в темно-зеленом жилете поверх белоснежной рубашки с коротким рукавом и с блестящим металлическим бейджиком на груди с именем – Эда Метс.

Не к месту вспомнилась прибалтийская снайперша, которую ему показывали в Грозном, вернее, ее труп. Запекшаяся кровь на бледной коже и в светлых волосах. Некрасивая, невысокая, она валялась во дворе разбитой школы. Вокруг ее живота разлилась лужа крови. Со снайпершами там не церемонились.

Всякий сброд из союзных республик повалил на Кавказ, особенно из Прибалтики и с Украины, не только в надежде заработать, но и желая отсечь Северный Кавказ от России, получая деньги, указания, натовское обмундирование от Запада и моральную поддержку – их называли «борцами за свободу» или «повстанцами». На ногах снайперши были как раз натовские берцы... Она не походила на Эду Метс, но отчего-то вспомнилась.

– Мистер Ермилов, я еще раз приношу вам свои извине-

ния. Но это не из гостиницы звонили. Иначе это отразилось бы на нашем коммутаторе. Может, из города?

– Вы хотите сказать, что если звонят из города, то звонки минуют ваш коммутатор? – не удержался Олег от раздраженного тона.

– Простите, сэр, я работаю тут совсем недавно и еще не знаю всех нюансов. Думаю, это какой-то сбой системы. Лучше всего будет вам отключить телефон, а утром пришлем к вам в номер мастера, и он все наладит.

– Ладно, Эда, я так и сделаю, – Олег легонько пристукнул ладонью по отполированной до блеска высокой стойке, как бы поставив точку в разговоре. Он не сомневался, что ночные звонки связаны со слежкой в аэропорту. И складывающаяся ситуация нравилась ему все меньше. Это уже не случайность, а планомерное психологическое давление. Вот только с какой целью?

По его следственной работе подобное, конечно, могло происходить. Гипотетически. Но он не вел сейчас таких дел, по которым его могли прессовать, тем более за границей. Это что-то из практики спецслужб.

Ермилов слукавил, когда при встрече в кафе на Бронной с Игорем сказал, что «слыхал» о Чигракове и о том, где он работает. Он «слыхал» это от самого Чигракова, с которым встречался совсем недавно, причем по инициативе Коли Чигракова – следователя ФСБ. Тот интересовался, не хочет ли все еще Ермилов перевестись к ним. Олег подтвердил свое

давнее намерение с внутренним волнением. Неужели сбудется его юношеская мечта?

Так вот это из их сферы деятельности – слежка, психическая атака ночными звонками, провокации... Что, если его приняли за кого-то другого? Срисовали на паспортном контроле, вдруг однофамилец кого-нибудь из Конторы?

– Мистер Ермилов, а вы из Москвы? – вывела его из задумчивости Эда. Оказывается, он все еще стоял у стойки. – Я в детстве жила там года три.

– Да, – рассеянно кивнул он. – А вы, судя по имени, из Эстонии.

– Верно. Я из Тарту, – усталое лицо девушки ожило, она заулыбалась.

– Юрьев? – вспомнил старое название эстонского города Олег. – Бывал в Тарту в юности. Красивый древний городок. Река там с забавным названием... – Он пощелкал пальцами, пытаясь вспомнить.

– Эмайыги, – обрадовано подсказала Эда. – Вы, кстати, тоже на прибалта внешне похожи.

– Все люди братья, – почти серьезно согласился Ермилов. – А рядом с гостиницей есть приличные рестораны? Приличные в смысле качества еды, а не цены.

– Да здесь везде неплохо кормят. Но напротив гостиницы приятный ресторанчик. Там борщ варят, пельмени. С учетом пожеланий российских туристов. Вкусно и недорого. Я и сама там иногда обедаю, потому что здесь нам есть не по-

ложено, и даже купаться на этом пляже сотрудникам гостиницы не разрешено.

– Несправедливо, – посочувствовал Олег и невольно представил себе стройную Эду в бикини. – Где же вы купаетесь?

– Да на любом другом пляже. Они на Кипре ведь общественные.

* * *

После всех ночных перипетий сон, казалось, совсем пропал, но, отключив телефон, Олег уснул крепко и по закону подлости привычно проснулся так, словно собирался на службу – с учетом разницы во времени в пять утра. Но светало быстро. Пока он брился, читал журнал, лежащий на столике, с перечислением достопримечательностей острова Афродиты, сидел на балконе, глядя на зарождающийся рассвет, прошло достаточно времени.

Чувствовалось, что день будет очень жаркий. Уже нечем было дышать. Пахло морем, подгоревшей яичницей из ресторана на первом этаже гостиницы и мокрой пылью, которую прибыл водой из шланга бич-бой около бассейна.

Ермилов решил искупаться, увидев несколько голов в море, барражирующих вдоль буйков, отгораживающих безопасную зону от судоходной.

Утренняя вода была более привычной для русского чело-

века – довольно прохладная и действительно бодрила. В море торчала поплавком голова смуглого худощавого человека в брезентовой панаме защитного цвета, из-под нее выбивались седые кудри. На переносице пловца сидели очки в роговой оправе.

– Вы зря без кепки, – вдруг заговорило это чудо в панаме на ломаном русском, обращаясь к Ермилову. – Наше солнце довольно коварное.

– Вы киприот? Хорошо по-русски говорите.

– Меня Лука зовут.

– Олег, – пожал Ермилов мокрую жилистую руку.

– Я учился когда-то в России, в Пятигорске. Я работаю в Press and Information Office of Cyprus. Как это по-русски?

– Бюро прессы и информации, – подсказал Ермилов, удивившись, что поймал такую «рыбку» в водах Средиземного моря.

Лука, заметив недоумение на его лице, улыбнулся и показал на берег, правее гостиницы, где стояли одна за другой двухэтажные виллы кремового цвета:

– У меня тут дом. Приезжаю из Никосии иногда купаться и писать книгу. В Никосии нет моря. Душно, намного хуже чем здесь... А вы в отпуске?

– Да, выдалось несколько дней, – не стремился распространяться дальше на эту тему Олег, испытывая подспудную настороженность.

– А вы кто по профессии? Не военный? Выправка у вас,

словно у офицера.

– Нет. Я юрист в фирме. Торгуем потихоньку слуховыми приборами для слабослышащих – проще говоря, медтехникой, – Олег сам едва сдержался от смеха, не понимая, откуда возникла у него в мозгу эта бредовая версия. Но, как известно, слово не воробей...

– Может, вместе пообедаем? – предложил Лука неожиданно. – Я бы вас расспросил о России, как там и что?

– Я бы с удовольствием, Лука, но редко выдается отпуск, хотелось просто отдохнуть, выспаться и купаться как можно больше. Но спасибо за предложение.

– Еще несколько дней я в Ларнаке. Можно будет все же пообедать как-нибудь, – очевидно расстроился журналист.

Доплыв до буйков, Ермилов вернулся к берегу, по дуге обогнув брезентовую панаму. Этот тип вызвал у него глухое раздражение своей бесцеремонной навязчивостью.

Позавтракав и переодевшись, Олег спустился в вестибюль, мельком взглянув на стойку ресепшена. Он не увидел Эду и немного разочарованно вздохнул. Эта девушка тут единственная, с кем Ермилов успел переговорить с удовольствием, без напряжения.

Едва он вышел из прохлады вестибюля, солнце буквально ударило по затылку. Справа, рядом с двумя теннисными кортами, огороженными сетчатой оградой, увитой бугенвиллией, белела ослепительно на солнце церковь с голубой отделкой по-над окнами и высокой дверью. Тут венчались пары,

специально прилетавшие на Кипр, чтобы устроить помпезную свадьбу на берегу моря. Пальмы островками росли вокруг подъездных дорог к отелю. Здесь их поливали, но, стоило Ермилову шагнуть за территорию отеля, он попал практически в пустыню.

Напротив, действительно находилось несколько ресторанов со столиками, стоящими под навесами. Но Олег прошел внутрь, изнывая от жары.

– Разрешите позвонить? – поздоровавшись, спросил Олег у бармена по-английски.

Тот вытащил из-под барной стойки телефон и поставил перед Ермиловым. Уже набрав номер, Олег жаждал трубку ладонью и попросил у бармена стакан холодной воды.

– Алексей? Это Олег Ермилов, вас должны были предупредить обо мне.

– Ты в Ларнаке? – довольно бесцеремонно спросил Руденко, но поскольку, растерявшись, следователь задержался с ответом, добавил снисходительно: – Давай без экивоков.

– Но есть проблемка. У меня тут вдруг обнаружилось столько знакомых, о которых я никак не подозревал.

– Да? – голос с хрипотцой не выражал никаких эмоций. – Тогда часа через два сядешь на автобус от отеля до центра города. Доедешь до остановки Zinonos Kitieos, а потом пройдешь вперед до форта – Medieval Fort. Купишь билет и зайдешь в музей. Походи там, а я тебя найду.

– Как ты меня узнаешь?

– Это моя забота.

Олег успел поесть до автобуса, расправился с отменной свиной отбивной, с чудовищно огромной порцией гарнира в виде салата и картофеля фри. В автобусе, надев солнцезащитные очки, Ермилов смотрел в окно на пустынный пейзаж с одинокими оазисами вилл, на которых хозяева худо-бедно поливали растения в засушливые летние месяцы. На ветру трепетали рекламные растяжки на некоторых виллах, где по-русски было написано о продаже недвижимости на Кипре.

Ермилов привык общаться с самыми разными людьми, и, чаще всего, они смотрели на него, следователя, как на врага, и научился не реагировать на агрессию, наглость, насмешки, но сейчас его отчего-то задел снисходительный тон Руденко.

Однако довольно быстро мысли об офицере безопасности ушли на задний план, так как, оглядевшись в автобусе, Олег заметил на заднем сиденье вчерашнего соглядатая. Теперь он правда был одет в белую футболку с картинкой-мотоциклом. Но Ермилов его узнал по широким скулам и накачанным предплечьям. Похоже, парень занимался армрестлингом.

Отвернувшись к окну, следователь пытался сообразить, что делать. Звонить Руденко? Но и так довольно прозрачно намекнул ему по телефону, что за ним хвост. Чего еще? «Попросил зайти в музей – зайду, а там пусть сам решает, как с этим быть», – решил Ермилов.

Когда Олег оплатил билет и вошел в серо-бежевый, из

светлых булыжников сложенный форт, то узнал из маленькой программки и фотографий на стенах внутри помещений, что здание построили турки как смотровую башню. С нее давали выстрел из орудия, когда разрешали войти кораблям в гавань. К началу XVII века крепость частично развалилась. А затем это была тюрьма. Англичане подлатали форт и содержали здесь заключенных и тут же казнили неугодных, осужденных ими киприотов. В 1948 году совершили последнюю казнь. Форт снова частично разрушили, когда борьба за независимость от английских колонизаторов принесла успех, с особенной ненавистью разгромили комнату экзекуций – где не только пытали, но и вешали заключенных.

А потом восстановили, чтобы помнили, – теперь тут болталась от легкого сквозняка веревка с петлей на крепкой балке, как бы ожидая очередной жертвы. Ермилов остановился здесь надолго, прислушиваясь к внутренним, не слишком приятным ощущениям. В этом помещении вместе с веревкой висел страх концентрированным сгустком, который никакие разрушения не истребили.

Перед тем как попасть в эту «веселую» комнату, Олег прошелся по второму этажу, осмотрел черепки, сосуды, мраморные мемориальные доски, фото с фресками раннего христианского периода. Полюбовался на море со стены форта. Народ купался внизу, на пляже. Небо, раскаленное, насыщенно-голубое, словно огромным жарким куполом окружало со всех сторон...

– Олег, – негромко позвал знакомый голос с хрипотцой. – Я поставил машину слева от форта. Выйдешь, пройдешь к ней, а я посмотрю. Синяя BMW, номер 356. Садись сразу в машину, она не заперта.

Он тут же исчез. Ермилов даже не успел его толком разглядеть. Олег выждал минуты две и пошел к выходу. Действительно, синяя машина стояла в тени старой огромной акации. Заставляя себе не оглядываться, следователь уверенно подошел к BMW и сел на переднее сиденье. И стал ждать.

Руденко не было несколько минут. Затем он быстро сел на водительское место.

В солнцезащитных очках с тонкими чертами загорелого лица, он сам здорово походил на киприота, выглядел молодым, хотя Ермилов решил для себя, что они примерно ровесники. Черные волнистые волосы, с легкой сединой на висках Руденко укладывал каким-то гелем, они выглядели влажными, словно только после душа.

– Пристегнись! – бросил он так, словно они знакомы лет двадцать и расставались ненадолго.

– Ты что гонки собираешься устраивать? – Олег испытывал неловкость в присутствии этого парня.

Руденко фыркнул и глянул в зеркало заднего вида:

– Еще чего! Здесь просто здорово штрафуют за непристегнутого пассажира.

Но с места тронулся довольно резво и начал петлять по

узким улицам города. Молча, сосредоточенно, явно пытаюсь сбросить хвост в виде черного форда. Они выехали на трассу из города, тут Руденко притопил педаль газа насколько позволял скоростной режим. Правил он явно не нарушал. Ермилова позабавила ситуация, когда, даже участвуя в преследовании, ни объект, ни хвост не нарушали правил.

Наконец Руденко вздохнул, свернул с главной дороги, и они стали углубляться в горы по серпантину. Черной машины сзади Олег уже не видел.

– Ну ты умелец! – сказал наконец Алексей. – Где ты подцепил такого настойчивого? Я мог бы подумать, что я хвост привел. Они за мной ездят. Знают, конечно, ху из ху. А на тебя чего польстились? Ты по чью душу?

– Есть у вас торгпред – Дедов Юрий Леонидович.

– Ай-яй-яй, что же наш Юрочка натворил? Какую статью ему шьешь, начальник?

Ермилов удивленно посмотрел на него сбоку. Но ни тени иронии на лице Руденко не обнаружил. Пожал плечами, однако ответил:

– Двести восемьдесят пятую. Может, и сто пятьдесят девятую.

– Вообще, он настойчивый. Услужливый, но себе на уме. Довольно давно работает здесь. Приехал заместителем торгпреда, но после гибели торгпреда в автомобильной катастрофе, назначен на его должность распоряжением из Москвы. До Кипра несколько лет был в Португалии. В связях, поро-

чащих его, не замечен, во всяком случае, не попадался. С местными бизнесменами видится, но это по его должности в порядке вещей. Часто бывает в порту. Я с ним плотно никогда не общался.

– Ты так навскидку обо всех посольских знаешь?

– На том сижу. – Руденко въехал в маленький городок, скорее даже деревню, но с каменными домами и булыжными улочками, узкими настолько, что машина едва не чиркала боковыми зеркалами по стенам домов и задевала свисающие со стен плющ и цветы. Со встречной машиной не разъехались бы. – Арестовывать будешь?

– Не здесь, конечно. Когда он возвращается?

– Через полмесяца. Я так понимаю, у тебя уже есть основания для задержания?

– Усилить хотелось бы, – вспомнил фразу из хорошего советского фильма Ермилов.

Машина выбралась из городка и снова поехала по узкой дороге. Слева – обрыв, вдалеке – не слишком высокие горы, справа – деревья и склон горы из белых камней. Наконец Руденко въехал через полукруглую арку и остановил машину во дворе с несколькими двухэтажными продолговатыми зданиями.

– Монастырь святого Минаса. Здесь редко бывают посторонние. Это, кстати, женский монастырь. Тут в основном бабульки. Выращивают оливки, виноград, курочек разводят. – В подтверждение этих слов закричал петух за сет-

чатой оградкой во дворе. С навеса рядом с загоном для кур свисали гроздья незрелого винограда.

— Еще зелен виноград, — задумчиво проговорил Олег, выбираясь из машины и разминая ноги и спину. Ему было тесновато в этой машине.

Ермилова поразила тишина и умиротворение, разлитые в горном чистейшем воздухе. В арке ворот, как в раме, в легкой дымке виднелись небо и горы.

Мужчины прошли во внутренний дворик, заставленный горшками с цветущими растениями. В воздухе витал необыкновенный аромат. В продолговатой арке между внешним двором и этим маленьким внутренним сидели на скамье несколько старых полноватых монашек в черном облачении. Руденко сказал им что-то по-гречески, они дружно закивали и заулыбались.

Из внутреннего двора Алексей и Олег прошли в храм и сели на деревянные, отполированные за десятилетия стулья с высокими спинками и высоко расположенными подлокотниками, на которые прихожане опирались, когда во время молитвы вставали. Темный старинный иконостас украшала причудливая резьба. Ростовая икона Святого Минаса висела в правом торце иконостаса, завешанная благодарственными кулончиками и цепочками прихожан, молитвы которых были услышаны. Святой на коне, с копьем в руках и в развевающемся плаще, с копной кудрявых волос выглядел добродушным.

– Хорошо здесь, – вздохнул Руденко. – Тихо, безлюдно. Ни чьих рыл не видно. Мне кажется, в раю так должно быть – тихо и пустынно.

Ермилов взглянул на него, но снова так и не понял, насколько Алексей серьезен.

– Что ты хочешь о нем узнать? Ведь тебя волнует что-то конкретное?

– Его собственность здесь, на Кипре. Есть ли она? Все, что на него оформлено. Может, бизнес. Чем занимается его жена? Она ведь тут, с ним?

– И она, и дочь. Ей, кажется, лет шестнадцать. Сын еще у него, но тот вроде учится в Испании.

– Это любопытно, – протянул Олег. – Насколько я понимаю, учеба за границей дело платное.

– Ну, бывает частичная оплата. Тут копать нет смысла... Жена, кстати, не работает, – припомнил Алексей информацию из личного дела торгпреда. – Странно другое. В Португалии, где он был до Кипра, работал наш Юрочка старшим специалистом в торгпредстве. Прямо скажем, не высокая должность. Затем во второй заезд в Лиссабон – экспертом. Португальский он знает, но лучше английский. Здесь по-английски говорят все, поэтому проблем с греческим у него нет. Но после той должности сразу прыг-скок – и зам-торгпреда и потом торгпред. С дипломатическим паспортом.

– Блат? – Ермилов отчего-то вспомнил фото старичка из Внешторга, которого сфотографировал Вячеслав на выходе

из загородного дома, зарегистрированного на Дедова.

– Вне всяких сомнений. Вообще, насколько я помню, Дедов был партсекретарем в Плехановском. И оттуда шагнул в международную торговлю. Не хило, да? И зашагал бодро, динамично. Сейчас весь из себя важный. Нервный, правда, какой-то... Бабы сплетни, но моя жена говорила, что их соседка слышит через стену постоянные домашние скандалы. А он как-то слишком зависим эмоционально от жены. Давит она на него... Знаешь, какие бабы бывают, из мужиков веревки вяют, – Руденко вздохнул, видимо о чем-то личном. – Она у него красивая. Двое детей почти взрослые, а она эффектная. Ради такой в лепешку разобьешься. Роковая дамочка, просто-таки любимый персонаж Достоевского – Настасья Филипповна советского пошиба... Значит, закрыть Юрочку решили? Заказ на него поступил, что ли? Ну чего ты закаменел? У нас ведь как обычно? Разрешают разрабатывать коррупционеров, когда они кому-то дорожку перебежали.

– Устарели твои представления, – сухо заметил Ермилов. – Сейчас не девяностые, да и я заказухами никогда не занимался.

– Брось! – Руденко снял солнцезащитные очки, обнаружив темно-коричневые глаза, такие усталые, что они сразу прибавили ему лет восемь. – Я буду рад, если все поменяется. На Россию работаю, а не на себя.

Слова не прозвучали пафосно, а скорее грустно, ведь до последнего времени, уже лет десять, России словно бы и не

нужны были такие верные люди.

«Господи, хоть бы что-то наконец изменилось, – подумал Ермилов, глядя на икону Святого воина Минаса. – Иначе служить зачем? Продержались девяностые, как на штормующей лодчонке, едва не сожрали друг друга от голода и ненависти. Неужели не выгребем теперь к берегу?»

– Сегодня суббота, – Руденко надел солнцезащитные очки. – Попробую заняться твоим Юрочкой, – он снова вздохнул. – Насколько я понимаю, нельзя потревожить товарища торгпреда? Пускай спит безмятежно.

– До времени ареста, – кивнул Олег. – А что со слезжкой мне делать?

– Кстати, ты говорил, что тебя окружает много новых знакомых, а не только этот, с мотоциклом.

– Этот тип – раз, – загнул палец Ермилов, – всю ночь трезвонили в номер и молчали в трубку – два, и в море ко мне пристал какой-то киприот, говорящий по-русски и рвавший со мной отобедать, – три. Он работает в офисе прессы и информации Кипра.

– Ага. Там есть ребята из местных спецслужб. Но почему ты? Им нужны прокурорские работники? Списки милицеских, прокурорских и особенно наших у местных и у «сисовцев» есть. Повели тебя от аэропорта. Тут одно из двух – либо попытаются выяснить истинную цель приезда, либо хотят вербовать, а значит, можно ожидать провокаций.

– Но пасаран, – нервно отшутился Ермилов.

– Пасаран, пасаран, – пошутил в ответ Алексей. – Смотри в оба. Ты человек опытный. Дипломатической неприкосновенности у тебя нет, поэтому осторожнее. Ты же видел сегодня бывшую тюрьму наших друзей англичан? Здание, конечно, древнее, но методы получения информации все те же. Где хитростью, где просто-напросто выбьют. Не нравится мне эта возня. Не характерно как-то... Пойдем.

Они вышли из церкви, сели на скамье во дворике.

– Слушай, а зачем мы так далеко уехали? – смущенно спросил Ермилов. – Сели бы да поговорили в кафе около форта.

– В зоне видимости, значит в зоне слышимости, если не ухом, то с помощью приборов.

– А тебе не кажется, то, что мы оторвались от слежки, уединились, вызовет у них еще большие подозрения в отношении меня?

– То, что мы встречались, – вызовет по-любому. Остальное – детали.

Руденко словно утратил интерес к разговору. Он встал и прошел в арку двора, где была дверца, ведущая в крохотную церковную лавку. Олег поплелся следом, чувствуя себя нерадивым учеником. Там Алексей воспользовался телефоном продавщицы и быстро заговорил по-гречески. Из общего потока следователь уловил только слово «такси». Мобильные телефоны, отключенные, с вытасненными sim-картами и аккумуляторами, оставили по просьбе Руденко в машине, за

воротами.

Пока Алексей разговаривал, Олег купил себе деревянные четки.

– Значит так, – обратился Руденко к нему. – Скоро придет такси. Назовешь свой отель, тебя отвезут. Я уеду прямо сейчас. Свяжусь с тобой, как будет информация. Тогда приедешь в центр города, как сегодня, найдешь Тофаридис bookshop – книжный магазин недалеко от улицы Зенона. Я уже буду там, на втором этаже. Ты сколько еще дней здесь?

– Всего на неделю.

– Понятно. Все. Пока. – Он легонько хлопнул Олега по плечу и быстро вышел из монастырской лавки.

* * *

Парень в белой футболке с изображенным на ней мотоциклом переминался с ноги на ногу около входа в отель, когда Ермилов подкатил на такси. Вид у топтуна был обескураженный и расстроенный. Олег хотел было помахать ему рукой, но сдержал свой пламенный ребяческий порыв, тем более увидел через стеклянную автоматически раздвинувшуюся дверь вестибюля Эду.

– Добрый день! – приветствовала она его. – Мы посылали мастера к вам в номер. Там все в порядке. Надеюсь, что звонки вас больше не беспокоят.

– Спасибо, Эда! Хотел у вас спросить, что здесь можно

купить в качестве сувенира для домашних?

– Если для женщины, то серебро. Вино здесь вкусное из изюма – «Кумандария».

– И где все это можно купить?

– Да в любом магазинчике. Тут не обманывают. Вино в обычном супермаркете продается.

Олег выглядел немного растерянным. Никогда не знал, чем угодить Людмиле, и она чаще всего оставалась недовольной.

Эда подалась вперед, склонившись над стойкой:

– Если хотите, могу с вами съездить и помочь с выбором, если это вам, конечно, нужно.

– Вы бы меня выручили, – приложил руку к груди Ермилов.

– Давайте завтра утром, часиков в одиннадцать. У меня как раз выходной. Встретимся на улице, около корта. Не хочу, чтобы нас видели. Нам нельзя общаться с постояльцами больше, чем просто по работе.

Олег кивнул и пошел к лифтам. Вдруг обнаружил, что у него развязались шнурки на туфле. Присел на корточки, чтобы завязать, и неожиданно услышал взволнованный голос Эды. Она разговаривала по телефону по-английски. Ермилов и не стал бы прислушиваться, но она почти плакала, и его заинтриговало содержимое беседы.

– Киф, я уже схожу с ума от тоски! Я хочу к тебе, а вынуждена торчать тут из-за этого гражданства. Мы ведь могли

пожениться, и вопрос был бы решен. Через три года я получила бы гражданство Ирландии... Знаю, знаю я все, но ты мог попробовать поговорить с ними еще раз... Мне тяжело, я вынуждена здесь заниматься бог знает чем. Твой приятель Линли такой мерзкий тип. Хорошо, я не буду называть его имя... Не кричи, – голос Эды дрожал. – Я люблю тебя...

Затем была пауза, заполненная всхлипываниями. Потом кто-то из постояльцев подошел к стойке ресепшена, и Эда начала объяснять глухим от недавних слез голосом по-английски, как пройти в тренажерный зал и во сколько обед. Воспользовавшись тем, что ее отвлекают, Олег, не разгибаясь, сделал несколько шагов и только потом выпрямился, уже около лифта, чувствуя неловкость от подслушанного.

* * *

Алексей Руденко, приехав в российское посольство в Никосии на углу улиц Агиоса Прокопиоса и Архиепископоса Макариоса III, заметил недалеко от входа знакомый синий «Дэу». Он обычно пас полковника Руденко во время его перемещений по острову. Когда Алексей с семьей ездил купаться в район Пафоса (в Никосии нет выхода к морю), машина терпеливо ехала следом. Иногда топтуны, не удержавшись, купались в стороне от семьи Руденко на том же пляже. «Может, их пирожками угостить?» – предлагала иногда жена со смехом.

Поздоровавшись с дежурным комендантом в вестибюле, Руденко поднялся к кабинетам торгпреда и его замов. Сегодня, в субботу, все разъехались – кто на пляж, кто по магазинам, занимались домашними хлопотами. Обычный выходной. В посольстве оставались только дежурные.

Но сперва Алексей зашел в свой кабинет. Осмотрелся, проверил оставленные метки, включил кондиционер, достал из ящика стола большую связку ключей, взвесил ее на ладони. Насвистывая непонятную мелодию, Руденко подошел к кабинету Дедова. Открыл замок одним из ключей. Остановился на пороге и внимательно осмотрелся, прикрыв дверь за спиной.

Этот чересчур серьезный следователь Ермилов просил не вызывать у Юрия подозрений. А если у Дедова совесть не чиста, он может ожидать незваных гостей. Подтверждением этому была тонкая нить около ножки стола. Алексей ее аккуратно перешагнул. Затем увидел пудру, тонким слоем рассыпанную по столешнице рядом с компьютером. Хмыкнул, подумав: «В шпионов играем? Ну-ну».

Он нашел еще несколько сигнальных маячков. После этого Руденко уже не рассчитывал отыскать что-то стоящее. Раз Дедов так боится, вряд ли он держит в кабинете компромат на самого себя.

И все же Алексей решил проверить до конца и включил компьютер. Как ни странно, вход в систему не был запаролен, однако большинство файлов Дедов зашифровал, но и откры-

тые тексты имелись. Руденко скачал на дискету и зашифрованные, и открытые тексты. Он решил показать их специалистам по криптографии.

Аккуратно выбравшись из кабинета торгпреда, Алексей вернулся в свой кабинет и занялся изучением открытых документов с дискеты. Это были странные списки известных в России людей, находившихся у власти, во всяком случае, до последнего времени. Многие уже уволились. Среди фамилий попало несколько заместителей министров из разных министерств России, в том числе и министерства финансов. Рядом с фамилиями стояли даты за последние лет пять. А следом за датой странные названия, вроде «Розовая вилла – Лимасол», «Пафос – желтый», «Агия Напа – белый».

Эти три дома, а Руденко для себя решил, что это именно особняки, повторялись, менялись только фамилии людей и даты. «Надо прояснить эти розовые и желтые, – подумал Алексей. – Кому принадлежат и кто оказывает такую гостеприимность российским чиновникам? За какие такие ответные услуги? Не благотворительностью же занимается Дедов. Интересно, что в зашифрованных файлах».

Одного криптографа Руденко знал очень даже хорошо. Когда он вернулся домой, этот спец жарил на кухне картошку.

– Ну где ты ходишь? В конце концов, выходной же! Собирались ехать купаться, теперь весь день насмарку. Случилось что? – выговорившись, Дина увидела, что Алексей выглядит

озабоченным.

– Есть для тебя работка, – он вышел с кухни в гостиную и включил компьютер. – Поглядишь тут несколько документов?

– Все у тебя так – документики, работка, а потом засадишь меня за компьютер так, что света белого не увидишь.

– Я могу окошко открыть, чтобы свет на тебя попадал.

– Оставь свои дурацкие шуточки, – она сдернула фартук и кинула в Алексея. – Посмотри лучше за картошкой.

На самом деле ее сжигало любопытство – Дина любила свою работу.

* * *

Около сетки забора, огораживающего теннисные корты, стоял красивый, поблескивающий полировкой на солнце черно-красный мотоцикл – Honda CBR 250R. Рядом с ним девушка в облегающих черных брюках и черно-красной куртке. Только по светлым распущенным волосам Ермилов узнал Эду.

В первый момент, пока она еще стояла к нему спиной, у него возникло желание дать заднюю. Но Эда обернулась и открыто улыбнулась.

– Что, сдрейфили? – весело спросила она.

– Вообще-то, в юности у меня был мотоцикл и права на вождение имеются, – Олег не стал упоминать, что ездил на

старой отцовской «Яве», а о подобном японском монстре, который стоял сейчас перед ним, и мечтать тогда не мог. — А ваш жених не будет против таких поездок с малознакомым мужчиной?

— У меня нет жениха, — она тряхнула волосами и надела шлем, скрывший ее лицо за пепельным блестящим забралом. — Вот вам куртка с защитой и шлем. Наденьте.

Ермилов не стал спрашивать, откуда у нее мужская куртка, да еще и его немаленького размера. Также неясным осталось, кто тогда некий Киф из Ирландии. Если он не жених, тогда почему в их вчерашнем разговоре речь шла о несостоявшейся свадьбе?

— А если я поведу? — спросил он, подняв забрало на своем шлеме.

— Для начала я, а когда дорога будет пустынная — вы.

Он не стал уточнять, куда едут, где это они попадут на пустынную дорогу и какое отношение поездки на байке имеет к покупке сувениров для семьи. У него зашкаливал адреналин, хотя он еще не сел на мотоцикл.

Как ни странно, жарко в куртке не было. Мотоцикл ехал не слишком быстро. Но затем выбрались на трассу и понеслось. Эда заранее предупредила, что она занималась мотоспортом, и Олег может быть спокоен, от него требуется только наклоняться вслед за движениями ее тела.

Ермилов недоумевал, как такая хрупкая девушка справляется с тяжелым мотоциклом. Они попали на серпантин, то

тут то там попадались осыпи из мелких камней на узкой дороге.

Эда остановилась на одной из смотровых площадок. Перед ними лежала долина, обрамленная горами, довольно зелеными для засушливого августа. В легкой дымке тонули дальние склоны. Тишина, особенно при выключенном двигателе «Хонды», словно распирала барабанные перепонки. Огромные сосновые шишки лежали под ногами.

– Теперь ты! – насмешливо сказала Эда, переходя на ты.

– Не боишься? Я давно не водил. Тем более такой, гоночный.

Она покачала головой и показала рукой в перчатке на стоящий в стороне мотоцикл.

– Ладно. – Олег надел шлем, и поехали.

Сначала медленно, потом Ермилов пообвык и прибавил, тут же почувствовал, как Эда чуть нервно вцепилась в его пояс. Одно дело самой управлять, а другое дело довериться едва знакомому человеку.

Слегка закладывало уши от высоты. Иногда встречались туристические автобусы. Их Олег с легкостью обгонял.

Остановились, подъехав к небольшому ресторанчику в горах. Тут росли огромные деревья, и было даже прохладно. Из большой трубы на высоте примерно трех метров за зданием ресторана стекала горная вода. От нее веяло холодом.

Официант принес воды и кофе в маленьких чашечках.

– Тут баранина вкусная, – посоветовала Эда, снимая курт-

ку, оставшись в белоснежной блузке с греческой синей вышивкой по вороту и рукавам. Блузка выгодно контрастировала с кожаной мотоциклетной курткой. Себе эстонка заказала легкий салат.

– Не знал, что есть женские мотогонки, – Ермилов откинулся на спинку стула, оглядывая окрестности. Они сидели во дворе ресторана, в глубокой тени. Чуть выше, на склоне, сквозь сочную зелень проглядывала перекладина загородки и то и дело там виднелись силуэты лошадей. Доносилось их ржание.

– Нет. Мы участвуем в мужских гонках, шоссейно-кольцевых. Когда парней обгоняешь, они всегда списывают свое поражение на то, что просто уступали девушкам дорогу. В Эстонии мало гонщиц. Больше всего в Испании. Я бы хотела там тренироваться. Но у меня недостаточно денег, нет европейского гражданства, – она осеклась и умолкла.

– А на какой скорости ты ездил?

– На тренировках по прямой бывало разгонялась до двухсот шестидесяти пяти километров в час. А вот кстати, на вождение мотоцикла у меня долго не было прав, только недавно сдала. На гоночных байках другое переключение скоростей, а когда я пыталась сдать экзамен на обычном мотоцикле, все перепутала.

– А где можно будет купить какое-нибудь серебряное украшение?

– Пообедаем, проедем перевал, можно будет заехать в Ма-

херас, а потом вниз-вниз через Лефкару и Като Дрис до Ларнаки. Там, в горной деревеньке этих серебряных лавочек на каждом сантиметре. На любой вкус. Ты девушке будешь покупать?

– Жене.

Прозвучали эти слова сухо, так, словно Ермилов хотел поставить на место свою спутницу с ее мотоциклом и с фамильярностью. Эда напряглась и уже до конца обеда вела себя скованно, словно прислушивалась к чему-то, то и дело оглядывалась и почти ничего не съела.

После ресторана она безмолвно отдала бразды правления в руки Ермилова, и он до монастыря вел мотоцикл сам, с удовольствием отдаваясь движению, скорости, хоть и не слишком большой, но достаточной, чтобы адреналин зашкаливал, ведь с одной стороны дороги – пропасть.

За последние годы это был первый и единственный момент эмоционального подъема для Олега. Несколько лет постоянной нехватки денег, ранение, попытки оставить службу и уйти в коммерцию – в конце концов, юристы везде нужны, тем более его уровня... Но не ушел. Более того, наметились перспективы перехода в ФСБ, что его радовало и волновало.

Начали собираться тучи над горами. Они удивили Ермилова, уже привыкшего к яркому солнцу. Перед входом в монастырь Эда обернула бедра тканью, которая имитировала юбку. Тут выдавали эти куски ткани и нечто вроде халатов для мужчин в шортах. Но Олег был в брюках, и заминки с

одеждой на входе у него не вышло. По дороге к храму, уже во дворе мужского ставропигиального монастыря, им повстречалось несколько котов. Все они выглядели довольно облезлыми, побитыми в боях.

– Между собой, что ли, дерутся?

– Со змеями, – пояснила девушка. Она словно бы оттаяла, выпала из кокона своей глубокой задумчивости, в которую то и дело проваливалась.

После посещения храма они выехали на мотоцикле на дорогу, объехали монастырь и попали на площадку, где стоял очень большой памятник – мужчина в полный рост с пистолетом в кобуре на поясе, в сапогах, в тужурке и с орлом, сидящим на скале, около его ног. Еще один орел находился через ущелье в нескольких километрах от основного памятника. И это впечатляло своей масштабной задумкой.

– Кто это? – Ермилов обошел памятник. – Солидный товарищ.

– Григориос Авксентиу – герой национально-освободительной борьбы. Прятался в монастыре от англичан в монашеском обличье. Его прозвали в народе «Орел Махераса». Несколько раз англичане пытались найти его в монастыре, но не увидели среди других монахов. А потом в паре километров от монастыря у него было еще одно укрытие, в пещере. Там его и убили. Своих товарищей он заставил выйти и сдаться, а сам отстреливался до последнего.

– Герой, однако, – сказал Олег с уважением.

«Везде и всем нужны герои, – подумал он. – А для большинства нынешнего поколения девяностых кумиры – такие, как Дедов, которые отхватили всеми правдами и неправдами хорошую должность и берут от нее все, ничтоже сумняшеся в своей правоте и невзирая на то, что деньги государственные. Да и что им страна?! Стали бы они погибать за нее?».

Когда они спустились в Лефкару, Ермилов вдруг узнал вчерашнюю деревеньку с каменными домами, по которой проезжал вместе с Руденко.

– Так я здесь был, – сказал он, спешившись с Эдой в самом начале торговой улицы – справа и слева поблескивали витрины ювелирных магазинчиков. Тут же торговали кружевными салфетками, скатертями, покрывалами, которые трепетали при легких порывах ветра, вывешенные у входа в лавочки.

– Когда? – как-то резковато спросила Эда. Поняв, что тон слишком груб, она добавила с улыбкой: – Когда ты успел?

– Да как-то случайно. Таксист завез, – выдавил Олег. Ему не понравился вопрос.

Он купил жене серьги, браслет и брошку из финифти в виде рыбки.

– В отель? – спросила Эда. – Или поедем искупаемся? Есть один пляж неплохой. Там народу мало и спуск в воду хороший. Ты как?

– Да хорошо бы, – Ермилов отер лоб. – Только я без купальных принадлежностей, если можно так выразиться.

– Можно и голышом. – Она откинула волосы назад,

прежде чем надеть шлем. И тут же рассмеялась: — Да не пугайся ты так! — Эда открыла бардачок под сиденьем и показала в воздухе своим купальником. — А тебе, так уж и быть, разрешу купаться в трусах, или заедем по дороге в любую лавочку, плавки купим. Идет? А тебе понравился мой мотоцикл? — Она посмотрела с иронией на то, как Олег уже привычно оседлал «Хонду», собираясь вести.

— Если хочешь... — посторонился Ермилов.

— Ладно, рули сам.

Тут вдруг обрушился ливень. Туча подкралась с вершин Троодоса незамеченной, обвалилась серой массой ливня. И сразу со склонов потекли желтые потоки с мелкими камнями, выливаясь на дорогу и беспрепятственно стекая через асфальтовое полотно дальше — вниз-вниз. Мотоцикл было тяжело удерживать, но Ермилов справлялся. Останавливаться на такой узкой дороге опаснее, чем ехать, — сзади в стоящий байк могли въехать машины, движущиеся следом.

Но наконец они сбежали из-под тучи и чем ближе к морю, тем быстрее очистилось небо и придавила жара. Намокшая одежда почти сразу высохла.

До вечера они провели время на пляже. Купили по дороге еще и пару полотенец, на которых загорали, обсыхая после заплывов. Эда ненавязчиво расспрашивала его про семью, про работу. Олег высказал ей такую же версию, какую недавно сообщил Луке, о том, что работает юристом в маленькой фирмочке, торгующей медтехникой. Разомлев на солнышке,

голову он все же не терял.

Через пару часов Ермилов почувствовал, что сварился на солнце, как ростовский рак.

– Елки-палки, я, похоже, обгорел! – сообщил он, натягивая рубашку и испытывая жжение на коже – на плечах и спине.

– Отвернись, – попросила Эда, решив снять еще влажный купальник. Она переоделась. И они, вдруг притихшие, поехали к отелю. Эстонка сама вела мотоцикл.

Словно исчерпали всё общение, да и не о чем им говорить. И он, и она чувствовали, недоговоренность – темнили оба. И у каждого на то были свои причины.

Расстались там же, где и встретились утром, у кортов. Пожали скромно друг другу руки, он поблагодарил за поездку, и Эда уехала, мигнув на повороте задней фарой и стоп-сигналами.

Корт был освещен, Ермилов раздвинул кусты и заглянул. Увидел двух мужчин в белых шортах и майках. Мяч с гулким хлопком, напоминающим выстрел, ударялся о головы ракеток. Игра шла динамично...

Олег понаблюдав за любительским матчем. С тоской подумал, что уже хочет домой. Август в Москве выдался холодным. Утром разговаривал с Люськой, коротко, чтобы денег не проговорить. Она успела сказать, что ходят в куртках, даже шапку охота надеть.

Поднявшись в номер, Ермилов оторопело застыл на поро-

ге. Постель оставалась аккуратно застеленной, но его вещи из сумки кто-то раскидал по всей комнате. Первым порывом было пойти и устроить скандал на ресепшене. Но, переждав минуту, остыв, Олег спокойно запер номер изнутри, даже на цепочку закрыл и стал собирать и проверять каждую вещь. Ничего не пропало. Так же методично осмотрел весь номер, заглядывал за кровать, под кровать, ощупал плафоны ночников около кровати. Не нашел «жучков», однако решил в номере не разговаривать по телефону ни на какие темы.

Заяви он о погроме, горничным попадет, да и только. Ведь ничего не пропало. А горничные ни в чем не виноваты. Похоже, снова акция запугивания, как ночные телефонные звонки, чтобы не расслаблялся.

«Чего ж это меня взяли в такой плотный оборот?»

Ермилов принял прохладный душ, но облегчения от солнечных ожогов это не принесло. Он с сожалением подумал, что нет рядом Люськи. Она бы помазала ему спину каким-нибудь своим душистым кремом, поцеловала в затылок, и все прошло бы.

Провозившись полночи на жарких простынях, он все же уснул, но в девять был беспощадно разбужен звонком от Руденко.

– Приветик! С добрым утром! Тебе еще нужно то, что просил?

– Угу, – Олег приподнялся на локтях, оглядываясь так, словно из-под кровати вот-вот вылезет микрофон прослуш-

ки. – А может мне дискету захватить?

– Да есть у меня. Давай, как договаривались. В 12.00 на месте. А то эти увальни с часу до четырех отдыхают. Перерыв у них обеденный, понимаешь ли. До встречи.

Ермилов включил телевизор и из российских новостей узнал о том, что почти в двухстах километрах от Североморска во время учений пропала атомная подводная лодка «Курск». Лодка перестала выходить на связь еще 12 августа, в субботу. Как раз когда Олег первый раз встречался с Руденко. А потом подлодку нашли на дне, на глубине в сто восемь метров. Когда «Курск» пытался произвести пуск ракеты, раздался взрыв...

«Все как-то одно к одному, – подумал Олег о России. – Как будто карабкаемся на песчаный холм, а песок осыпается и осыпается из-под ног. Вот завершающий громкий аккорд девяностых – ситуация такая, что нет подходящей техники, чтобы поднять подлодку. Дожили. Пропадут теперь ребята».

Настроение новость не улучшила. Да и жара донимала. Он глянул на себя в зеркало, обнаружив в отражении красного обожженного солнцем человека.

– И мальчики кровавые в глазах, – пробормотал Ермилов и подумал: «А голос у Руденко веселый. Нарыл что-то. Хоть не с пустыми руками из этого вертепа уеду».

Колокольчики над дверью звякнули, когда Олег вошел в книжный. Соглядатай сегодня в желтой футболке с непонятной надписью остался снаружи, поглядывая внутрь через витрину.

Ермилов неторопливо обошел первый этаж так, словно и в самом деле пришел выбрать книги. Изучил ассортимент – открытки, канцелярский отдел, тетради... Он даже купил сыновьям по две тетрадки с забавными рисунками на обложках. Двенадцатилетние двойняшки Петька и Васька вели себя плохо, как сказала по телефону Людмила, и покупать им в связи с этим он ничего не собирался, но все же, вспомнив их похожие друг на друга озорные физиономии с большими светло-серыми, как у Олега, глазами и курносими материнскими носами, смягчился.

Неторопливо поднялся по винтовой металлической лестнице со стеклянными перилами, очутился на втором этаже. Прошелся между полками с книгами и вдруг в дальнем углу услышал голос Руденко: «Иди сюда». Заметив серую, под цвет стены, дверь, Ермилов зашел внутрь.

Тесная подсобка. Пустые картонные коробки, половая тряпка и пластиковое красное ведро для мытья полов.

– Блин! – ругнулся Олег, едва поймав коробку, которая уже падала на него. – Алексей, где ты тут?

– Проходи, проходи. Быстрей давай.

Подсобка оказалась коридором, который уходил куда-то вглубь. Видимо, у Руденко была договоренность с хозяином магазинчика. Алексей встретил Олега в конце подсобки, и они перешли в другое помещение и в другое здание, как догадался Ермилов. Тут на этажерках стояли обувные коробки.

– Сейчас быстро спустимся, через магазин выйдем на другую улицу. Идем быстро направо, там у меня машина. Сядешь на заднее сиденье и пригнись. Там плед, накройся им. Я сегодня часа три от своего «синенького» уходил. Не хочется, чтобы все насмарку пошло. Да! – вспомнил он. – Машина у меня другая – темно-зеленый форд номер на «Z» начинается, она арендованная.

Алексей выглядел по-другому. Ермилов его не сразу узнал бы, если б встретил случайно на улице. Волосы, покрытые гелем в прошлый раз, теперь лежали свободной волной, даже чуть взлохмаченные и оказавшиеся довольно длинными, доходившими до основания шеи. Солнцезащитные очки, но другой формы.

Олег знал, что офицеров ФСБ и СВР обучают навыкам ориентирования в незнакомой обстановке, основам маскировки, общению с незнакомыми людьми, тренируют память на лица, цифры, тексты, быстроту реакции и зрительную память. Но воочию видел это впервые. Несколько штрихов, и Алексей другой человек, иная походка, даже хрипотца из голоса ушла и вальяжность исчезла.

Олег выполнил досконально инструкции офицера безопасности. Но посмеиваясь. Накрылся пледом с головой. «Конспиратор, – подумал он о себе с усмешкой. – На старости лет играю в казаков-разбойников. А ведь мне завтра тридцать восемь стукнет. Отмечать вдали от родины, от домашних тоскливо будет одному...»

Хлопнула дверца машины.

– Ты здесь? – уточнил Алексей, заводя двигатель.

– Угу, – подал голос Ермилов. – Долго мне тут париться?

– Потерпи немного. Выйдем из города, тогда примешь вертикальное положение.

Следователя слегка укачало в лежачем положении и в духоте, когда Руденко начал крутить по узким улочкам Ларнаки. Наконец, Алексей выехал на трассу, ведущую к Лимасолу, и сказал:

– Отбой воздушной тревоги! Сейчас приторможу, переберешься на переднее сиденье.

Ермилов пересел и пристегнулся. Надел солнцезащитные очки. Тонированное лобовое стекло не затеняло достаточно хорошо.

– От своей штатной слежки я мог не уходить, но не хотелось тебя светить. А то начнут копать, кто ты, да что ты... – пояснил Руденко, хотя Олег ни о чем не спрашивал, ожидал информации по Дедову. – А ты сгорел... В прямом смысле, – засмеялся он. – Солнышко здесь коварное... Прокатимся, остров тебе покажу. А то как-то негостеприимно. Изви-

ни, домой не повезу. Там меня веселый «баклажанчик» пасёт. Это так жена прозвала нашего сопровождающего.

Олег понял, что Алексей не хочет обсуждать дела в арендованной машине. Наверное, на то у него были свои причины.

– Слышал про «Курск»?

– Лодку? – уточнил Руденко и выругался. – Пропали морячки. Живьем, в консервной радиоактивной банке... – и добавил жестко: – Впрочем, знали, на что шли. Долг свой до конца выполняют... Ты ведь в Пафосе не был? Фрески там под открытым небом. Маяк. Амфитеатр. Короче, археологический парк. Потом проедемся по краю территории английской базы. Там, где можно.

Дальше ехали молча. Каждый думал о своем. Рядом с Руденко отчего-то Олег испытывал спокойствие. Так у него было и с Вячеславом. Есть люди, которые излучают уверенность и в самом деле могут и будут действовать в любой, самой экстремальной, ситуации так, чтобы спасти, защитить и выжить. Ермилов тешил себя надеждой, что и он относится к этой категории.

– Здесь чем хорошо, на Кипре, – сказал вдруг Руденко. – Ездишь из одного конца острова в другой и народу почти никого не встретишь. Тихо.

– Ты уже говорил про тишину и безлюдье, – напомнил следователь.

– Нервы, понимаешь, успокаивает... Ты жене небось по-

брюкушки купил? Здесь все серебро покупают. Еще сладости возьми в дьюти-фри и вино.

– Да меня уже просветили. А ты давно здесь?

– Достаточно, – уклончиво ответил Алексей.

Пафос оказался зеленым городом, в отличие от прожаренной на солнце Ларнаки. Тут в стены обычных домов были вкраплены фрагменты древних стен, куски кладки языческих храмов, во дворах валялись колонны из старинных зданий. Подъехав к археологическому парку, Руденко припарковался на довольно большой парковке с редкими еще молодыми акациями, растущими на островках между рядами.

– Мобилу здесь оставь, – велел Алексей.

Они купили входные билеты и пошли по белой пыльной дороге к домику, видневшемуся вдалеке. Пространство было открытое, можно сказать, поле, с редкими одинокими деревьями.

– Значит так, – без предисловий начал говорить Руденко. – Есть документы. Они все в электронном варианте – свидетельства на собственность на имя Дедова. Три дома – в Пафосе, в Лимасоле и в Агия Напе. Он хранил их на своем рабочем компьютере в зашифрованном виде. Часть документов расшифровать не смогли. Поработаем над ними. Но это займет много времени. К тому же, при расшифровке методом подбора может получиться масса осмысленных вариантов, а который из них верный, установить практически невозможно. Тут вероятно в исходнике использовался еще и

Они какое-то время шли молча. Затем Ермилов спросил с недовольством, которое не смог скрыть:

– А документы-то где? – Олег достал из кармана черную дискету, которую все же захватил с собой, и протянул Руденко: – Вот. Как чувствовал, что понадобится, специально пустую привез. На нее информацию запиши.

– Я тут прикинул. Учитывая сложившуюся вокруг тебя обстановку, думаю, лучше я отправлю все документы вализой.

– Чем? – переспросил Ермилов, пряча дискету в карман.

– Диппочтой, – с легким недоумением пояснил Алексей.

Теперь Олег досадовал на себя – за наивность. А еще в ФСБ собрался переходить. Надо быть сосредоточеннее, рассуждать и не делать поспешных выводов.

– Вообще-то, мой номер в гостинице вчера перевернули вверх дном.

– Вот-вот, – покивал Алексей. – Пропало что?

– Нет. Явно психологическое давление... Не понимаю, пусть Дедов ворует, пусть по крупному ворует, но зачем так шифруется? Это не свойственно для обычных жуликов, коррупционеров. Что это за шифр такой у него в компьютере?

– Посмотрим. Пока не разобрались. А вот то, что он не обычный жулик – это факт. Вопрос – откуда деньги? На сделках Внешторга мухлюет? Взятки берет? Тогда ему надо инкриминировать и 159-ю, и 290-ю. Хотя это детали. Давай ся-

дем.

В тени эвкалипта стояла каменная скамья. Немногочисленные туристы рассредоточились по парку и, если кучковались, то у небольших строений, укрывающих под своими крышами напольные мозаики дворцов, которые тут когда-то были, и которые крестьянин, пахавший поле в середине XX века, случайно обнаружил, подняв пласт земли плугом.

– Если бы Дедов крутил тут по делам Внешторга, я бы знал, слухи б дошли. Или так здорово маскировался? Ну тогда он спец!

– Часто он ездил по острову, общался с местными?

– Не смей меня, – Руденко достал сигарету, покрутил пачку в руках и спрятал обратно в карман. – Прописано в должностных обязанностях – «установление и поддержание контактов с государственными органами и деловыми кругами государства пребывания, затрагивающих торгово-экономические интересы Российской Федерации». Это я тебе дословно цитирую. А также «оказание содействия российским участникам торгово-экономического сотрудничества в проведении ярмарок, выставок, конференций и семинаров по вопросам развития внешнеэкономических связей РФ и государства пребывания», «оказание содействия в реализации инвестиционных проектов и осуществлении инвестиционной деятельности российских участников внешнеэкономической деятельности» и т. д. и т. п. Так что вертится юлой наш Юрочка по Кипру и организует, и поддерживает, и ока-

зывает содействие. Опять же дипломатические приемы, на которых он вьется. Трудится в поте лица. За ним не уследишь, все в рамках его должностных обязанностей. Само собой он использует наработанные связи в личных целях. Но источник денег – в России. Здесь, на Кипре, он их вкладывает в недвижимость, как мы узнали, может, держит на счетах в банке, но в таких, которые нам не выдадут справку о клиентских счетах, даже если ты возбудишь дело. В своей бурной деятельности он использует каким-то образом российских чиновников, а в благодарность принимает их на острове, на своих виллах. В одном из списков, который этот аккуратист не зашифровал – сведения кто, когда и куда приезжал. До замминистра финансов Воробьева.

– Как я убедился, эти дома могут лишь формально ему принадлежать, а на самом деле, его просто попросили купить. Но с какой радости ему так доверяют сильные мира сего? – Олег потер шею и зашипел от боли, прикоснувшись к обожженной солнцем коже. – Да и зачем ему такой груз? Самому ничего не иметь, а отвечать перед законом в случае, если кто настучит, за чужие богатства. В чем выгода?

– Сразу тебя разочарую. На дурака или наивного лопушка он не похож. Нервный слегка, но не болван. Значит, интерес имеет, да еще какой! Но в чем он – тебе докапываться. Не завидую, – Алексей все же достал сигареты и закурил.

– Часть схем, по которым он выводил деньги сюда, в целом понятна – фирмы-«прокладки», фирмы-однодневки.

Там надо будет еще копать детали, работы непочатый край. Но липовые фирмы, заключавшие договора с такими же липовыми кипрскими, накачивали реальными деньгами. И вот тут главный вопрос – источник дохода. Бандитизм, торговля оружием? Что конкретно? Не бутылки же он всю жизнь в стеклотару сдавал, не пил, не ел. Или деньги принадлежат этой группе чиновников, которых он вносил педантично в список?

– Это наиболее вероятно, – Руденко аккуратно затушил сигарету о край урны и машинально сунул окурок в спичечный коробок. – Тогда ты будешь иметь дело с держателем общака, если называть вещи своими именами. Еще больше проблем, так как все эта группа из списка, их знакомые, знакомые их знакомых начнут втыкать палки в колеса твоего расследования... – Он встал, потянулся. – Чуть свет сегодня поднялся. А в Никосии как в парилке. Тут хоть море, полегче, а там, как в котле варишься, варишься... Мозаики смотреть будешь?

– Да ну их! Мне сейчас те документы бы глянуть, – потер руки Ермилов.

– Успеешь. В Москве насмотришься. Пойдем, поглядишь мозаику. Когда еще сюда приедешь.

Прогулявшись по парку, они сели в ресторанчике на набережной Пафоса, рядом с фортом, отчасти похожим на ларнакский. Ветерок играл краями скатертей, закрепленных металлическими зажимами, пахло морем и жареной камбалой,

которая долго не залежалась на тарелках перед проголодавшимися мужчинами.

– Зиванию будешь? Это местная водка. Виноградный самогон. Ничего так. Сорок пять градусов. Я-то за рулем, а ты попробуй.

Ермилов кивнул. Увидев одинокую рюмку, сразу подумал о подводной лодке.

– Как думаешь, подводников вытащат? Ну с «Курска»...

Руденко покачал головой. И отчего-то его компетентному мнению Олег поверил, несмотря на то, что так хотелось надеяться на хороший исход. Он выпил с мрачным лицом, как за помин... Посидел, уставившись на спящую поверхность моря и подумал без сожаления, что через два дня уже вылетит в Москву.

– Слушай, – вдруг оживился Алексей. – А хочешь посмотреть на своего подопечного?

– На Дедова?

– Он каждую неделю в один и тот же день ездит в Пафос, обедает тут в ресторанчике. Это чуть дальше по набережной. Я было что-то нехорошее заподозрил, но он и не скрывает своих поездок. Говорит всем знакомым, коллегам, что здесь самые вкусные рыба и креветки, а он большой любитель. Всех активно приглашает. Короче, отследили мы его пару раз. Действительно, приезжает и лопают креветки. Сегодня как раз его рыбный день. Видеться тебе с ним не надо, а вот есть одно место, откуда поглядишь на него. Хочешь?

– Любопытно.

Расплатившись, они вышли на залитую солнцем набережную с пальмами. Прошли немного.

– Не верти головой. Но погляди слева. Вон идет мужчина в светло-желтой рубашке, у него солнцезащитные очки висят на кармане. Это он.

Руденко повернулся спиной к дороге и к торгпреду, чтобы тот его не заметил и не узнал.

– Чего там? – спросил Алексей.

– Уже в ресторане.

Прошло несколько минут, и Руденко вместе с Ермиловым потихоньку двинулись по набережной по направлению к машине. Вдруг что-то звонко грохнулось об асфальт за их спинами на другой стороне улицы. Обернувшись, Олег увидел разбитый цветочный горшок с геранью, выпавший из окна второго этажа над тем рестораном, где лакомился креветками Дедов. Из окна высунулся смеющийся мужчина, он разводил руками и по-английски извинялся перед прохожими, говорил, что случайно столкнул цветок. У мужчины был выдающихся размеров нос, буквально нависавший над верхней губой, как слива.

Алексей и Олег переглянулись и поспешили к машине.

* * *

– Вон смотри, справа. Это все их территория. Кстати, если

остановят, молчи. Я буду говорить.

– Что, часто останавливают?

– Здесь их собственная дорожная полиция. Английская. Останавливают, если превышать скорость. У них с этим строго. Эта база Акротириса, а на юго-востоке острова около Ларнаки – Декелия.

Они ехали на небольшой скорости по узкой хорошо асфальтированной дороге, стесненные горами. В долине изумрудно зеленели лужайки для гольфа. Торчали каминными трубами дома, словно поднятые для салюта в небо стволы пушек. Но все это огораживали прозрачные сетки заборов, взятые поверху колючей проволокой.

– Зачем им каминные? – поморщился Олег, не понимая, как в такую жару можно сидеть у горящих дров.

– Зимы тут холодные. Особенно в горах. Центрального отопления нет. Любое топливо очень дорого. Все привозное. Поэтому зимой спим в теплой одежде. А если еще ветер с моря. Дождь и ветер. Тоска несусветная. Разве что зелени много, не так пустынно, как сейчас.

Олег стал смотреть в окно на английскую базу, которую можно было разглядеть отсюда. Дорога краем проходила по их территории, везде висели знаки ограничения скорости и запрета на фото- и видеосъемку. Иногда проезжали навстречу джипы, окрашенные в песчаные защитные цвета.

– Неплохо устроились, – наконец пробормотал он.

– Да уж.

Ермилов не видел глаз Руденко за темными стеклами очков, но ему показалось, что Алексей погрузился в глубокие и тягостные раздумья.

Они распрощались около форта. Руденко очень тепло пожал ему руку и, как Ермилов не отнекивался, все же сунул в руки увесистый пакет с сувенирами.

– Не для тебя, а для жены и твоих пацанов. Бери, бери. Моя супруга похлопотала.

Проводив взглядом машину Алексея, Олег подумал, что при первой же okazji передаст что-нибудь для семейства Руденко.

...Зайдя в вестибюль отеля, Олег наткнулся на пристальный взгляд Эды из-за стойки ресепшена. Пройти мимо уже было нельзя, хотя он хотел бы.

– Здравствуйте, – натянуто произнесла Эда.

– Мы вроде на ты, – напомнил Ермилов. – Хорошо вчера погуляли.

– Можем повторить, – подалась вперед эстонка, чтобы не слышала девушка, которая тоже находилась за стойкой, но у двери в служебную комнату.

– Мне завтра вообще-то тридцать восемь стукнет, – признался он. – Отмечать здесь или дома уже, с семьей?

– Можно посидеть в баре или ресторане вечером. Съездим завтра? Часиков в восемь встретимся. Как? На том же месте.

Ермилов неуверенно кивнул.

– Только давай действительно просто посидим. Без подар-

ков и помпезности.

– Как скажешь, – подмигнула Эда.

* * *

Город не славился шикарными ресторанами, только в пятизвездных отелях они имелись. А место, куда привезла Ермилова на своем байке Эда, был скорее бар, но со столиками, где можно поесть. Однако тут хорошо кормили.

К вечеру сюда набилось довольно много народа. По-видимому, местечко отличалось популярностью среди местных. Олег слышал английскую и греческую речь, напоминавшую по звучанию испанский язык. Пара немецких парней помогли у барной стойки и пили пиво.

Но Ермилова обрадовала эта суета. Она позволяла забыть о Дедове, о тридцати восьмилетии и о том, что послезавтра он приедет домой и окунется в свою обыденную действительность – в собственную жизнь, которая уже сложилась так, как сложилась.

Эда словно уловила его настрой. Пересела к нему поближе на диванчике, чтобы ее голос стал слышнее на фоне громкой музыки.

– А ты никогда не хотел бы все поменять? Кардинально. Вот так, – она щелкнула пальцами. – Раз! И все новое – страна, дом, жена, работа, хороший заработок.

Ермилов задумался. Но не о такой перспективе, а о том,

что Эда не совсем та, за кого себя выдает. Олег запоздало пожалел о своей самоуверенности в общении с малознакомой женщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.